

СТУДІЯ

ЖУРНАЛЪ

ИСКУССТВА И СЦЕНЫ

Москва, 14 января 1912 г.

№ 15

ЦѢНА 25 к.

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ журнала „СТУДИЯ“.

Главная контора журнала „СТУДИЯ“ имѣетъ честь уведомить Гг. подписчиковъ на 3 мѣсяца, что срокъ ихъ подписки кончается. Во избѣжаніе перерыва въ полученіи журнала просимъ озаботиться возобновленіемъ подписки.

Театръ К. НЕЗЛОБИНА. Телеф. 71-61. (ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ).

РЕПЕРТУАРЪ:

Въ Субботу, 14-го Января: Женщина и Паяцъ.
Въ Воскресенье, 15-го Января, УТРОМЪ: Бумъ и Юла.
ВЕЧЕРОМЪ: Новый жрецъ и Безкорыстный Другъ.
Въ Понедѣльникъ, 16-го Января: Въ Золотомъ домѣ.
Во Вторникъ, 17-го Января: Женщина и Паяцъ.
Въ Среду, 18-го Января: представлено будетъ въ 1-й разъ для абонеента новая пьеса: Дитя любви.

Въ Четвергъ, 19-го Января: во 2-й разъ Дитя любви.
Въ Пятницу, 20-го Января: Орленокъ.
Въ Субботу, 21-го Января, въ 3-й разъ Дитя любви.
Въ Воскресенье, 22-го Января, УТРОМЪ: Мѣщанинъ-дворянинъ. ВЕЧЕРОМЪ: Женщина и Паяцъ

ПОДРОБНОСТИ ВЪ АФИШАХЪ.

Билеты продаются въ кассѣ театра отъ 10 ч. утра до 8 ч. вечера.

Пом. Директора П. Мамонтовъ.

„ТЕАТРЪ МИНИАТЮРЪ“

Тверская ул., Мамоновскій пер., домъ Шаблыкина.

Дирекція М. АРЦЫБУШЕВОЙ.

ВЪ ВЕЧЕРЪ ТРИ СПЕКТАКЛЯ.

Начало 1-го представленія въ 7¹/₂ час. вечера, 2-го — въ 9 час. вечера и 3-го — въ 10¹/₂ час. вечера. Окончаніе около 12 час. ночи. Каждый спектакль состоитъ изъ 3-хъ самостоятельныхъ музыкально-драматическихъ и балетныхъ пьесъ.

ЦѢНЫ МѢСТАМЪ отъ 1 р. 50 к. до 40 к. Билеты продаются съ 11 час. утра въ кассѣ театра.

МАРШРУТЪ ГАСТРОЛЕЙ

РАФАИЛА АДЕЛЬГЕЙМЪ

Январь 1912 г.:

Елисаветградъ, съ 12-го по 15-е.

Александрія, Херсонской губ., съ 16-го по 19-е.

Администраторъ А. Г. Задонцевъ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ВЕСЕННЯЯ ВЫСТАВКА (ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ).

ПЕТРОВКА САЛТЫКОВСКОЙ ПЕР., Д. № 8, ГАЛЛЕРЕЯ ЛЕМЕРСЬЕ: ТЕЛЕФОНЪ 169-37.

ВХОДЪ 50 К. УЧАЩІЕСЯ 25 К. ОТКРЫТА ОТЪ 10 Ч. ДО 5 Ч.

СТУДІЯ

№ 15.

14-го Января.

1912 г.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) „Трагедія на родинѣ“. Статья проф. *Θ. Зѣлинскаго*. 2) Весталка сцены-храма. Къ юбилею *Г. Н. Ѳедотовой*. Статья *В. Ермилова*. 3) „Пиръ жизни“ *Пишбышевскаго*. Отз. *В. Ермилова*. 4) „Тихія слова“ (лекція *Тальникова*). Отз. *М. Орлова*. 5) Праздникъ праздниковъ русской сцены. *В. Е.* 6) Концертная недѣля. *Риземана*. 7) Музыкальная жизнь. *В. Колмійцова*. 8) Ритмъ въ сценическихъ искусствахъ (лекція кн. *С. Волконскаго*). Отз. *La-mi*. 9) Выставки „Свободное творчество“ и Ученическая. Отз. *Д. Варанаева*. 10) „Новый польскій костель“. Статья *С. Ноаковскаго*. 11) „Театръ 5 тысячъ“. Замѣтка *М. О.* 12) Лондонскія письма *Б. Лебедева*. 13) Письмо изъ Америки *Swan'a*. 14) Театральный сезонъ въ Германіи. Письмо изъ Берлина *Лютера*. 15) Хроника. 16) Провинція. 17) Наши приложенія: картина *Бродскаго*: автопортретъ, картина *А. Васнецова*: „Медвѣдчики“, картина *Савинова*: портретъ *М. В. А.*, портретъ *Г. Н. Ѳедотовой*, 2 снимка ея же въ роляхъ, 3 зарисовки „Гамлета“, *Эльскаго*, 2 модели „Театра 5 тысячъ“, портретъ г-жи *Гельцеръ*, портретъ г. *Цвиленева*. Декорація пьесы *Полевого* „Былины“.

ТРАГЕДІЯ НА РОДИНѢ.

I.

Я ХОЧУ здѣсь поговорить о томъ условіи, въ силу котораго трагедія на ея родинѣ (т.-е., какъ всѣмъ извѣстно, въ древней Греціи) стала тѣмъ, чѣмъ она была во все время своего существованія, а именно трагедіей героической, допускавшей рядомъ съ собою, въ качествѣ младшей и веселой сестры, бытовую комедію, но рѣшительно не терпѣвшей бытовой трагедіи; въ то же время у насъ, какъ опять-таки всѣмъ извѣстно, именно бытовая трагедія сосредоточиваетъ на себѣ интересъ и авторовъ, и исполнителей, и публики, а героическая является лишь терпимой падчерницею.

Наша драма—дочь унынія и будничности; драма древнихъ грековъ—дочь подъема и праздничности. Или, что одно и то же—дочь діонисическаго настроенія.

Это и есть то условіе, о которомъ идетъ рѣчь.

II.

Конечно, ни для кого не будетъ новостью узнать, что у насъ драма ставится безразлично и въ будни и въ праздники и воспринимается утомленнымъ отъ работы и крѣпко придавленнымъ къ бытовой дѣйствительности духомъ, въ то время какъ драма грековъ была рѣдкимъ, сияющимъ видѣніемъ на фонѣ праздника — праздника Діониса. Этимъ, однако, далеко не все сказано, хотя все же сказано очень многое.

Идея освободить театральныя представленія отъ тины будничности, окружить ихъ атмосферой праздничности была осуществляема и въ новѣйшія времена: вагнеровская драма въ Байрейтѣ, французская классическая трагедія въ Оранжѣ, „Вильгельмъ Телль“ въ Альтдорфѣ—сюда же относятся и мистеріи въ Обераммергау, праздникъ старинный, но все же лишь въ XIX в. получившій свое всегерманское и всемірное значеніе. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, кромѣ послѣдняго, античность была признанной вдохновительницей и руководительницей; и стоитъ ли подчеркивать, что во всѣхъ этихъ случаяхъ, не исключая послѣдняго, предметомъ заботы была героическая,

а не бытовая трагедія? Связь этой послѣдней съ будничностью была этимъ окончательно подтверждена—косвенно и молча, но тѣмъ болѣе убѣдительно.

И нельзя не признать, что преслѣдуемая цѣль была въ значительной степени достигнута. Вечеромъ, накануне торжества, пріѣзжаетъ паломникъ въ Байрейтъ: будничныя заботы, обусловленныя необходимостью пріискать себѣ пристанище и устроиться въ немъ, оканчиваются въ этотъ вечеръ. Затѣмъ, утро—свободное, праздничное. Мы гуляемъ по тѣнистымъ аллеямъ байрейтскаго „Эрмитажа“; отправляемся въ окрестности, куда такъ и манятъ чистыя, обсаженныя липами и тополями, дороги; посѣщаемъ домикъ, гдѣ нѣкогда жилъ и творилъ Жанъ Пауль и откуда такъ и вѣетъ на насъ точно здоровымъ запахомъ свѣжаго ржаного хлѣба, духомъ стариннаго нѣмецкаго бюргерства. Злоба дня позабыта, природа и исторія настраиваютъ душу мирно и торжественно. Вотъ и подошло полуденное время; пора собираться въ театръ, простой и строгій, одиноко возвышающійся за городомъ на холмѣ. Да, конечно, цѣль въ значительной степени достигнута, гармонія души съ ожидаемой необычайностью видѣнія заранѣе осуществлена.

Достигнуть подъема.

И все же это еще не діонисическое настроеніе; это даже, въ извѣстной мѣрѣ, нѣчто противоположное ему. Да, я гулялъ по аллеямъ Эрмитажа, но я намѣренно отыскивалъ самыя уединенныя тропинки и болѣе всего боялся встрѣчи со знакомыми: какъ-то чужая душа, что достаточно одной такой встрѣчи съ ея неизбѣжными—„Ну, какъ вы устроились!“ „Гдѣ вы объедаете?“ и т. д.—и вся торжественность настроенія пройдетъ. Нѣтъ, это не то. Не знаю, какъ назвать того бога, который завладѣлъ моей душой и наполнилъ ее чуткой, мечтательной нѣгой; но имъ былъ не тотъ, кто, расплавляя огнемъ своего наитія грани индивидуальности, соединяетъ своихъ вѣрныхъ въ одну, одинаково чувствующую и „блящую“ личность—не Діонисъ.

III.

А теперь перенесемъ героическую трагедію съ чужбины на родину.

Мы—въ Афинахъ эпохи Перикла, мѣсяць—Элафеболіонъ, по нашему мартъ, —полный расцвѣтъ южной весны

мореходство только что открылось; пирейская гавань, эта „гостеприимнѣйшая гавань въ мірѣ“, приняла въ свои воды прїѣзжія суда съ золотыми изображениями родныхъ боговъ: рядомъ съ Палладой аѳинской тріеры красуется самосская Гера, эфесская Артемида и другіе. И въ самихъ Аѳинахъ замѣтно присутствіе гостей; они, правда, разбрелись къ домамъ своихъ „проксеновъ“, но площади имъ не миновать, и единство обычнаго аттическаго говора прїятно разнообразится пестротой безчисленныхъ мѣстныхъ нарѣчій съ преобладающей мягкостью іонійскихъ. Тѣмъ живѣе у каждаго природнаго аѳинянина желаніе показать прїѣзжимъ городъ Паллады во всемъ его блескѣ.

Теперь, впрочемъ, не Паллада властвуетъ въ Аѳинахъ, а Діонисъ; наступленіе его царства возвѣстила, взошедшая надъ городомъ, первая четверть молодой луны. Она созвала на утро слѣдующаго дня всѣхъ гражданъ къ древнему святилищу бога, что у театра. Обычай требуетъ торжественнаго перенесенія его кумира въ это послѣднее зданіе, чтобы богъ самолично былъ свидѣтелемъ празднествъ въ его честь. При сосѣдствѣ храма съ театромъ это—дѣло несложное; но именно поэтому тотъ же обычай предписалъ длинный и продолжительный обходъ: надлежало предварительно доставить бога изъ Аѳинъ въ Академію, чтобы онъ тамъ провѣлъ весь день, и уже съ наступленіемъ вечера вернуться въ Аѳины и водворить на мѣсто празднества. Эта Академія, тогда еще не освященная именемъ Платона, была роцѣй „героя“ Академа, на разстояніи, приблизительно, 1 1/2 версты отъ городскихъ воротъ, которыя, однако, находились, приблизительно, на такомъ же разстояніи отъ храма Діониса подъ юго-восточнымъ склономъ Акрополя.

Здѣсь собирались участники шествія—жрецы, власти, граждане, гражданки. Надлежало выстроиться съ соблюденіемъ порядка и благолѣпія, приличествующаго торжеству. Особую группу, видную и нарядную, составляли мальчики, сыновья гражданъ—главныя дѣйствующія лица въ празднествѣ, какъ мы увидимъ; другую группу, еще болѣе прїятную для взора—дѣвушки-канефоры (кошеницы) съ корзиночками на головахъ. Для насъ онѣ застыли въ тѣхъ скромныхъ и миловидныхъ „каріатидахъ“, которыя поддерживаютъ балдахинъ южнаго портика храма Эрехея.

По данному сигналу начиналось шествіе, вытягиваясь въ безконечную ленту на улицахъ, собираясь сплоченными массами на площадяхъ—впереди всѣхъ, окруженный эфебами, кумиръ Діониса. Шествіе огибало восточный склонъ Акрополя съ гигантскимъ шатромъ Одеона, твореніемъ Перикла, и попадало на самую парадную улицу Аѳинъ, улицу треножниковъ, украшенную архитектурными трофеями побѣдителей на мусическихъ состязаніяхъ Діониса; отсюда—на городскую площадь съ ея алтаремъ двѣнадцати боговъ—тѣхъ самыхъ, жрецы которыхъ принимали участіе въ шествіи. Почтивъ ихъ возліянiami и

молитвами, процессія двигалась дальше, мимо „гермъ“—тѣхъ роковыхъ гермъ, искалѣченіе которыхъ поколѣніемъ позже повергло Аѳины въ такой ужасъ,—на рынокъ; отсюда, по широкой предмѣстной улицѣ „Дромось“, между портиками и статуями, къ дипилонскимъ воротамъ. Здѣсь начинался строгій, но не мрачный кварталъ Внѣшняго Керамика, почетное кладбище аѳинянь, гдѣ хоронили мужей, павшихъ въ бою за отечество.

Дальше шла уже дорога... надо полагать, такая же пыльная, какъ и теперь. Конечно, въ мартѣ мѣсяцѣ она могла сохранить еще остатки зимней влаги; а впрочемъ, аѳинянину было не привыкать къ своей родной, тонкой и бѣлой известковой пыли. При всемъ томъ это была, безъ сомнѣнія, самая трудная часть пути, тѣмъ болѣе, что послѣ двухверстной ходьбы съ остановками и весеннее

солнце изрядно припекало. И, какъ не угѣшали себя участники сознаниемъ, что они идутъ по той же святой дорогѣ, по которой самъ Діонисъ нѣкогда, говорятъ, пришелъ въ Аѳины, чтобы воспользоваться гостеприимствомъ древняго аѳинскаго царя Амфиктіона,—позволительно думать, и у нихъ радилось сердце, когда послѣдняя томительная верста стала приходить къ концу и на нихъ повѣяло душистой прохладой съ зеленой роцѣи Академа.

IV.

Эта роца была созданиемъ Кимона, щедрого благодѣтеля Аѳинъ и, въ особенности, своей родной деревни Лакиадъ, по сосѣдству съ которой она лежала; благодаря искусственному орошенію почвы онъ сухую и неплодную нѣкогда мѣстность превратилъ въ настоящій

паркъ, съ аллеями и дорожками, самый обильный растительностью въ окрестностяхъ Аѳинъ; сюда и въ будни любилъ приходить для прогулокъ и упражненій въ бѣгѣ аѳинскіе эфебы, особенно въ весеннее время, „когда чинара съ вязомъ перешептывается“, какъ говоритъ Аристофанъ. Теперь, усиліями тѣхъ же эфебовъ, сюда былъ привезенъ кумиръ Діониса. По окончаніи пути, его ставили у мѣста, называемаго „очагомъ“ (eschara); начиналось чествованіе.

Тутъ вступали въ дѣйствіе тѣ отроки, о которыхъ уже была рѣчь,—сыновья гражданъ: группами, каждая подъ руководствомъ своего учителя, они подходили къ чествуемому, къ богу весны и приливающихъ силъ, и пѣли пѣсни въ его славу, сами будучи весной и приливающими силами общины. И ужъ, конечно, пришедшимъ вмѣстѣ съ ними въ Академію гражданамъ и въ голову не приходило спасаться въ отдаленныя и уединенныя аллеи этого парка, чтобы предаваться одинокимъ размышленіямъ: вѣдь, тѣ, чьи свѣжіе, звонкіе голоса воспѣвали весенняго бога у очага Академіи, были ихъ дѣтьми, были надеждой ихъ общины, и пѣли они тѣ же пѣсни, которыя и они нѣкогда, еще при героѣ Кимонѣ, пѣли въ честь того же покровителя всего юнаго и вѣчно обновляемаго.

Такъ-то единый, могучій токъ симпатіи, вызванный

Къ 50-лѣтію сценической дѣятельности.

Гликерія Николаевна Федотова.

общими воспоминаниями о славномъ прошломъ, съ общей надеждой на еще болѣе славное будущее, сплотиваль эти сотни и тысячи гражданскихъ сердецъ. Тамъ, въ стѣнахъ города, на скалахъ Пникаса, кипѣли бурныя политическія страсти: кто за Перикла, кто за Фукидида, кто за злобные навѣты завистливаго Клеона. Здѣсь, все это потонуло въ колышущемся морѣ всеобщности: Діонисъ и дѣти, весна и цвѣты и, парящая надо всѣмъ этимъ, все нарастающая любовь къ прекрасному дальнему, къ обѣтованной землѣ дѣтей и внуковъ...

Впрочемъ, кромѣ этого общаго настроенія, еще одна религиозная потребность удерживала у очага Академіи всѣхъ этихъ гражданъ-отцовъ: и въ эти дѣтскія пѣсни, какъ и во всю греческую жизнь, былъ введенъ элементъ соревнованія. Надлежало опредѣлить, какой изъ участвовавшихъ хоромъ достойнѣе и благолѣпнѣе прочихъ воспѣлъ чествуемаго бога. Лучшему хору и его учителю присуждалась побѣда и награда: это былъ вопросъ важный, и для его рѣшенія необходимо было оставаться вмѣстѣ.

V.

Но вотъ день пѣсенъ прошелъ; солнце догорѣло на царственномъ престолѣ Эгалея, и занявшая вечерняя заря окрасила склоны Гиметта въ тотъ незабвенный для всякаго посѣтителя Аѳинъ пурпурно-фіолетовый цвѣтъ. Начались сумерки—быстрыя южныя сумерки, черезъ прозрачную дымку которыхъ все ярче и ярче приближается тихій свѣтъ засіявшей надъ Акрополемъ молодой луны. Это значитъ: пора возвращаться въ Аѳины.

Возвращаться, да: но не въ томъ чинно-торжественномъ шествіи, въ которомъ поклонники Діониса пришли утромъ въ Академію. Конечно, тѣ эфебы, которымъ поручено перевезеніе бога, должны исполнить свою задачу усердно и внимательно; за это ихъ ждетъ общественная благодарность. Но остальные свободны: можно соединяться по группамъ, по компаніямъ, какъ кому угодно; все же дѣвушки шли охотно съ дѣвушками, юноши, охотно или нѣтъ, съ юношами. Дѣвушки, юноши... кровь-то, вѣдь, молодая, а ночь Діонисій полна соблазновъ. Идутъ обратно по дорогѣ, ведущей къ Дипилону. Пыли незамѣтно: морской вѣтерокъ подулъ съ юго-запада, растворяя въ своей влагѣ и легкой ароматъ тимьяка съ эгалиейскихъ холмовъ, и тяжелый, одуряющій запахъ, склонившихся надъ струями Кефисса, нарциссовъ. Молодая луна борется съ бѣлыми облачками южной весны; они то и дѣло заволакиваютъ ее, погружая во внезапный мракъ дипилонскую дорогу съ ея шествіемъ. Въ этомъ большой бѣды нѣтъ: тамъ и сямъ запылали факелы, багровый жаръ которыхъ помогаетъ невѣрному свѣту Селены. Въ каждой компаніи ихъ по нѣскольку; въ ихъ кругозорѣ не страшно. А всетаки жутко; и жутко и весело. Въ каждой компаніи своя флейтистка: игра, пѣсни, смѣхъ — на то и Діонисіи: надо, чтобы весь годъ вспоминали. Вотъ показались суровыя мраморныя стелы дипилонскаго кладбища: грозно глядятъ, при багровомъ жарѣ факеловъ, мѣднобронныя изваянія мараѳонскихъ бойцовъ. Ничего, въ своей компаніи не страшно. Но зато отставать никому не совѣтуется. Отстанетъ бѣдняжка... и тутъ, изъ-за мраморной стелы... не покойный мараѳонскій боецъ, а пара живыхъ рукъ, страстныхъ и сильныхъ. Крикъ утонетъ въ шумѣ флейтъ, пѣсенъ, смѣха... Да, будетъ она помнить ночь Діонисій—не годъ, а всю жизнь.

Дипилонъ пройденъ; мы на Дромосѣ съ его портками и статуями. Здѣсь, между колоннами, на „подстилкахъ“ (стибадахъ) изъ зеленаго плюща, приготовлено угощеніе—конечно, вино. Объ этомъ позаботились тароузатые граждане—Перикль, Лакедемоній, Иппоникъ, Пирилампъ и, вообще, кто побогаче. Располагаются компаніями, кто къ кому присталь. Льетъ вино — и еще

обильнѣе льются звуки флейтъ, пѣсни, говоръ, смѣхъ. Вся уллица озарена факелами. И дальше — то же самое. И между гермами, и подъ колоннадами городской площади, и у подножія узорчатыхъ треножниковъ, и подъ склонами Акрополя—вездѣ горятъ факелы, сливая свой багровый свѣтъ съ зеленью плющевыхъ стибадъ, вездѣ льется вино, вездѣ шумятъ флейты, раздаются пѣсни, слышенъ говоръ и смѣхъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе таетъ свита паломниковъ, сопровождающихъ святой кумиръ Діониса въ его театръ подъ юговосточнымъ угломъ горы Паллады. Наконецъ, усердные эфебы его довели; его ставятъ, куда обычаи велитъ. Луна тѣмъ временемъ закатилась; надъ Гиметтомъ показались розовые персты Зари; пора расходиться.

VI.

Со слѣдующаго дня начиналась драма... какая драма? Какой драмы могла требовать душа этихъ людей, впитавшихъ въ себя весну и полноту приливающихъ силъ, зачарованныхъ чарами Діониса?

Бытовой? Между бытомъ и ими стоялъ средостѣніемъ опытъ минувшаго дня; при томъ подъемѣ, который былъ достигнуть подъ солнцемъ Академіи и при лунѣ безумной ночи, серьезное отношеніе къ быту было уже невозможно.

И право, не намъ объ этомъ судить. Развѣ мы знаемъ, что такое всенародный подъемъ... Я говорю, конечно, не о томъ, который обуславливается національнымъ и классовымъ эгоизмомъ и въ которомъ самодовольство приправлено злобой, а о нашемъ чистомъ, радостномъ, діонисическомъ? Его испытываютъ отдѣльныя личности... и въ этомъ состояніи болѣзненно сторонятся своихъ ближнихъ, чтобы ихъ голосъ не отозвался диссонансомъ въ сердцахъ, не изгналъ изъ него чуткаго бога, на время въ немъ поселившагося. Но возьмите хотя бы эти минуты, это жалкое эхо могучаго нѣкогда діонисическаго экстаза: развѣ вамъ захочется въ такомъ настроеніи быта и его драмы?

Нѣтъ. Быть — это врагъ, побѣжденный Діонисомъ врагъ. И если мы вызываемъ его еще разъ передъ свои очи, то для того только, чтобы представить наглядно побѣду надъ нимъ Діониса. И мы его, дѣйствительно, вызываемъ: первый день драматическихъ состязаній посвященъ комедіи. А гдѣ комедія, тамъ быть.

И вотъ, онъ является на сцену Діониса, этотъ алчный, расчетливый, трусливый мѣщанинъ... буржуй, филистеръ, называйте какъ хотите. Мѣщанинъ! Каковымъ еще недавно былъ и его зритель, но вѣдь это было до пѣвучей ночи Діонисій. Теперь же ему любо смотретьъ на свое позавчерашнее подобіе, какъ безжалостно его треплетъ въ своемъ божественномъ весельи Діонисъ. А треплетъ онъ его во всевозможныхъ видахъ... или лучше, во всевозможныхъ. То онъ представляетъ его самого, какимъ онъ является съ высоты діонисическаго подъема, потѣшно усиливая низменныя стороны его природы, къ вѣщшему торжеству діонисическаго смѣха. Это—карикатурная комедія, и она не въ чести: „это — пошло, по-мегарски“, какъ говорилъ, гордящійся своей аттической солью, гражданинъ Паллады.—То онъ, ради большаго контраста, возводилъ его въ божественную сферу, представляя самихъ почтенныхъ олимпійцевъ въ ермолкѣ мѣщанина: но и это еще было слишкомъ по-дорицески. Настоящій аттичскій духъ чувствовался только тамъ, гдѣ уже не только отдѣльный, частный, но и государственный бытъ съ его злободневностью вызывался предъ молніеносныя очи Діониса; гдѣ надъ грубыми, слишкомъ человѣческими чертаніями этихъ мнимыхъ реальностей, разливается зыбкое огненное море діонисовой сказки. Нигдѣ такъ ярко, какъ здѣсь, не чувствовалась жалкая безпомощность этого, мясцаго себя не только реальнымъ, но и единственно реаль-

„ВАСИЛИСА МЕЛЕНТЬЕВА“.

Г. Н. Федотова въ роли Василисы.

нымъ, быта; нигдѣ такъ побѣдоносно, какъ здѣсь, не раздавались: дружные, всенародные взрывы діонисическаго смѣха.

И, если бы въ эту минуту гиперборіецъ нашихъ временъ и широтъ обратился къ смѣющимся съ укоризненнымъ вопросомъ: „Чему смѣетесь? Надъ собою смѣетесь!“ — любой изъ нихъ съ полнымъ правомъ отвѣтилъ бы ему: „Нѣтъ, чужестранецъ. Не надъ собою смѣемся мы, а надъ той тиной быта, которая еще недавно была въ насъ и отъ которой вчера насъ освободилъ нашъ богъ. И пусть черезъ нѣсколько дней, когда Діонисіи придутъ, и забота о хлѣбѣ насущномъ опять пригнетъ насъ къ сохѣ, къ станку, къ прилавку — пусть тогда опять насъ затянетъ эта тина: все-таки для насъ не пройдетъ безслѣдно то, что хоть сегодня, хоть на эти немного дней, мы преодолѣли бытъ и приобщились жизни. Этотъ огонь не потухнетъ, накапливаясь изъ году въ годъ: съ каждымъ возвращеніемъ Діонисіи, онъ будетъ достаточно силенъ, чтобы согрѣть не только насъ, но и тебя, нашъ бѣдный преемникъ, черезъ двадцать слишкомъ вѣковъ!“

А если хочешь въ этомъ убѣдиться — милости просимъ къ намъ завтра и въ слѣдующіе дни, на праздникъ трагическихъ состязаній!“

VII.

Дѣйствительно, слѣдующіе три дня были посвящены трагедіи. Не для того былъ осмѣянъ бытъ, чтобы на его мѣсто поставить пустоту, этотъ послѣдній резонъ немощныхъ, худосочныхъ, отравленныхъ наследственными болѣзнями, нигилистическихъ натуръ. За здоровымъ, освобождающимъ смѣхомъ Діониса должно было послѣдовать великое „да!“, брошенное навстрѣчу жизни съ ея сильной радостью и сильнымъ горемъ, съ ея зиждательнымъ страданіемъ и зиждательной смертью.

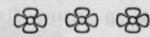
Вѣдь, въ томъ-то и дѣло, что при томъ настроеніи, въ которомъ находились граждане въ тѣ дни, реализмъ звучалъ бы фальшью, и единственнымъ, правдивымъ и убѣдительнымъ видомъ драмы была героическая трагедія. Съ той силой, которую въ себя впитала душа за эти

дни очарованій, она уже не могла сочувствовать „житейской“ дряблости и будничности: она жаждала перенестись туда, гдѣ была полнота жизни, жаждала вселиться въ тѣхъ „Патрокловъ и Тевкровъ о львиномъ сердцѣ“, о которыхъ имъ повѣдалъ прозорливый духъ ихъ поэтовъ. И не только характеры мужей должны были запечатлѣны печатью необычайности: героемъ долженъ былъ быть и тотъ врагъ, съ которымъ имъ придется вести побѣдоносную борьбу жизни—тотъ таинственный родникъ ихъ зиждательныхъ страданій, который они, олицетворяя, называли рокомъ. Только при героическомъ его величій возможно то истинно трагическое чувство, въ силу котораго борющійся герой, физически погибая, нравственно торжествуетъ; и только такое чувство могло удовлетворить такъ настроенную толпу зрителей.

И мы видѣли также, какъ это ея настроеніе возникло. Здѣсь не было никакого искусственнаго взвинчиванія и самовзвинчиванія: естественнымъ путемъ, на почвѣ религіи, которая къ счастью была религіей природы, самъ собою создавался этотъ всенародный подъемъ, для котораго этотъ озонъ героичности былъ естественной и необходимой атмосферой. Гдѣ намъ объ этомъ судить! Ахъ, да, мы беремъ изрѣдка, съ утомленной, скептической душой, какую-нибудь, случайно подвернувшуюся намъ, античную трагедію, читаемъ нѣсколько сценъ — и, затѣмъ, разочарованные, ставимъ ее обратно на полку, въ добросовѣстномъ убѣжденіи, что мы все это давно переросли. Нѣтъ, такъ судить нельзя. Постараемся сначала, хоть въ своей фантазіи, пережить то, что пережили афиняне эпохи Перикла въ дни Діонисіи — и затѣмъ перенесемся въ ихъ празднично возбужденную толпу въ утро трагическаго состязанія, въ тотъ моментъ, когда городской глашатай торжественно вступалъ на арену и, при внезапно воцарившемся молчаніи, произносилъ давно ожидаемая, традиціонныя слова:

„Введи свой хоръ, Софокль!“

Проф. О. Зѣлинскій.

„ДМ. САМОЗВАНЕЦЪ и ВАС. ШУЙСКІЙ“ ОСТРОВСКАГО.

Г. Н. Федотова въ роли царицы Марѳы.

ВЕСТАЛКА СЦЕНЫ-ХРАМА.

(По поводу юбилея Г. Н. Федотовой).

„Это вот такая актриса! Помяните меня: сойдетъ она со сцены — и другой Федотовой не будетъ. Я объѣздилъ всю Европу, только-что переглядѣлъ всѣ театры и видѣлъ тамошнія знаменитости. Ни въ Берлинѣ, ни въ Парижѣ, нигдѣ во всей Европѣ теперь такой другой актрисы, какъ она у насъ — не найдешь. Есть не плохія, пожалуй, даже очень хорошія есть; но такой другой по полнотѣ чувствъ въ цѣломъ мірѣ нѣтъ. Потому и говорю: и она сойдетъ со сцены — ужъ другой такой не дождемся. По полнотѣ чувствъ! По полнотѣ чувствъ!“

Такъ говорилъ великій творецъ „Горькой Судьбины“ А. Ф. Писемскій, волнуясь и спѣша излить передъ окружающими лицами свое восхищеніе передъ ея гениемъ и необъятной широтой его захвата.

Онъ тогда только-что вернулся изъ-за границы, гдѣ, дѣйствительно, перевидалъ всѣхъ театральныхъ знаменитостей, но никто, никто не могъ его такъ трогать, потрясать, какъ г-жа Федотова, что онъ и выразилъ невольно громко и во всеуслышаніе въ партерѣ Малаго театра въ одинъ изъ незабвенныхъ дней ея вдохновеннаго творчества.

— По полнотѣ чувствъ! Да, именно — по полнотѣ чувствъ! — подтвердили, тоже охваченныя энтузіазмомъ, лица, сидѣвшія въ театрѣ близко къ говорившему Писемскому.

Слова его запали у всѣхъ на душѣ и даже послужили предметомъ жаркихъ споровъ и увлекательнаго обмена впечатлѣніями между поклонниками яркой звѣзды Малаго театра — театра великихъ традицій.

Всѣ соглашались, конечно, съ компетентнымъ сужденіемъ драматурга и романиста и художника-чтеца — все это совмѣщалось въ одномъ лицѣ Писемскаго. Всѣ соглашались, что Федотова внѣ сравненія цѣлостной и великой полнотой чувствъ. Но каждый по-своему понималъ эти слова.

Одинъ восхищался широтой діапазона ея драматическихъ средствъ, изумляясь, съ какой она легкостью, граціей, непринужденностью умѣла переходить отъ суровыхъ и грозныхъ нотъ къ мягкимъ и нѣжнымъ въ одной и той же роли.

Другой понималъ полноту чувствъ въ нѣсколько иномъ смыслѣ и открывалъ въ дарованіи артистки еще новыя, не указанные предыдущимъ собесѣдникомъ, стороны.

Третій обнаруживалъ другія, тоже присущія артисткѣ черты мастерства, и каждый былъ правъ и каждый, однако, настаивалъ на своемъ, всецѣло отдаваясь наплыву разомъ хлынувшихъ въ душу впечатлѣній, чувствъ и воспоминаній, словами нелегко во всей яркости передаваемыхъ.

Случилось при одной такой бесѣдѣ присутствовать и самой виновницѣ всей этой бурно-восторженной бесѣды.

Весело разсмѣялась артистка и простыми словами въ одинъ мигъ прекратила споры, умиливъ всѣхъ и своей скромностью и находчивостью.

— Совсѣмъ не то, господа, говорите вы, — вѣдь, Алексѣй Теофилактовичъ (Писемскій) просто хотѣлъ сказать, что ужъ очень разнообразный репертуаръ приходится играть намъ, бѣднымъ русскимъ артистамъ. По 10 новыхъ пьесъ въ годъ, а то и двѣ-три новыхъ роли въ мѣсяцъ. Вотъ вамъ и полнота чувствъ, и вся разгадка его словъ.

Я бы къ уловленной Писемскимъ чертѣ — полнотѣ чувствъ — прибавилъ еще свое наблюденіе надъ смысломъ и характеромъ генія Федотовой: это — полнота пониманія.

Черта эта — великое и отличительное свойство нашей артистки. Имъ только и можно объяснить изумительную

цѣлостность и планомерность отдѣлки воспроизводимыхъ ею образовъ.

Синтезъ интуиціи, вдохновенія съ разумомъ и сознательнымъ изученіемъ каждой детали и мелочи, каждой черточки и неуловимой подробности въ матеріалѣ, даваемомъ авторомъ, — вотъ характеръ творчества ея, — вотъ и ея право на глубокое преклоненіе передъ нею всѣхъ, понимающихъ роль сцены въ культурной жизни человѣчества.

Преклоненіе — потому что такое исполненіе роли, въ которой продумана каждая черта, каждое мгновеніе и движеніе — не дается даромъ. Оно — плодъ усилій настойчивой, неустанной работы, ночей бессонныхъ, „мукъ творчества“, связанныхъ со всѣми исканіями у каждаго мастера-генія.

Я не знаю, кому еще изъ артистокъ въ такой степени свойственъ анализъ, какъ ей. Теорія генія и помѣшательства, какъ двухъ смежныхъ сторонъ человѣческаго духа, тутъ ни въ какой степени не примѣнима. Тутъ она вдребезги разбивается самой дѣйствительностью, примѣромъ счастливаго и блестящаго сочетанія генія и ума.

Ума, но не безумія!..

Геній и трудъ въ ней сплелись такъ, что не оторвете одно отъ другого.

„Въ младенствѣ она меня любила“, — можетъ, по всей справедливости, сказать Гликерія Николаевна о своей музѣ.

Да. Почти такъ. Чуть не въ младенствѣ. Десяти-лѣтнимъ-одиннадцатилѣтнимъ ребенкомъ она переживала непередаваемые моменты художественныхъ очарованій, когда она видѣла передъ собой на сценѣ великихъ артистовъ — творцовъ великихъ твореній.

Тогда она сама мысленно какъ бы творила. Иначе нельзя назвать ея переживаній, когда она, не сводя глазъ со сцены, испытывала все то, чѣмъ болѣли, страдали и восхищались герои и героини творимыхъ на сценѣ легендъ.

Старикъ Щепкинъ ее не только замѣтилъ, но и ласкалъ, какъ дорогого, сулящаго лучезарныя надежды ребенка-художника.

Ласкалъ и поощрялъ, училъ и журилъ, — и снова ласкалъ и снова училъ, какъ добрый и строгій дѣдъ, какъ наставникъ и судія — и суровый и снисходительный въ одно и то же время.

Онъ и благословилъ ее, въ гробъ сходя, на славный путь.

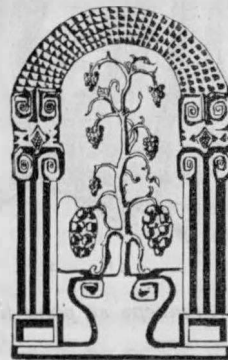
Въ школѣ молилась она:

— Дай мнѣ Богъ быть хорошею актрисою.

Но и самая работа ея, творимая съ трепетомъ, „страхомъ Божиимъ и вѣрою“, была та же святая и жертва и молитва.

И услышаны молитвы ея, и вознаграждены труды, и усердіе, и вѣра въ трудъ и въ святыню храма, въ которомъ служила дѣвственно, чисто и свято, какъ весталка. Вознаграждены — сторицей.

В. Ермиловъ.

МАЛЫЙ ТЕАТРЪ.

„Пиръ жизни“ С. Пшибышевскаго.

Новый режиссеръ Малаго театра С. П. Броневскій съ перваго своего шага зарекомендовалъ себя передъ публикой, со всѣмъ еще не знающей его, съ хорошей стороны. Для своей перзой постановки онъ не рѣшился прибѣгать къ произведеніямъ доморощенной драматургін: слишкомъ они слабы стали въ послѣднее время. Тутъ рѣшительно нечего ставить. И онъ, махнувъ безнадежно рукой на россійскій репертуаръ, обратился къ польской литературѣ и остановился на популярнѣйшемъ изъ современныхъ писателей—Пшибышевскомъ.

И взялъ у него ту драму „Пиръ жизни“, которая больше, чѣмъ какая-либо, вызвала споры, шумъ и пререканія на родинѣ у автора; которая заставила автора выступить въ печати на защиту своей пьесы, своего замысла, своихъ психологическихъ наблюденій.

Психологія толпы и ужасъ индивидуальности, гонимой и затравленной этой самой толпой изъ-за самыхъ чистыхъ побужденій личности, свято оберегающей свои лучшія и святѣя чувства,—вотъ задача этого „пира жизни“, на который авторъ созвалъ такъ много гостей,—даже слишкомъ много.

Личность, избранная авторомъ въ герои своей драмы,—предметъ поклоненія самого Пшибышевскаго: „это—самый красивый и свѣтлый образъ, какой я когда-либо создалъ“,—восторженно признается Пшибышевскій.

— Вотъ, смотрите—хотѣлъ онъ сказать намъ,—какъ тяжело, какъ непереносно, смертельно несносно жить съ вами, съ вашими предрасудками и условностями женщинѣ, чистой и любящей, попавшей въ сѣти, такъ называемыхъ, законовъ общества, „ихъ же не преjdeши“.

„ГАМЛЕТЪ“ НА СЦЕНѢ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА.

Г-жа О. Л. Книпперъ въ роли Королевы.

Рис. Завскій.

Репродукц. воспрещ.

Авторъ старается всячески убѣдить васъ, что онъ никакой проблемы здѣсь и не думалъ подымать, никакого тезиса не хотѣлъ ставить, а между тѣмъ, самъ же подсказываетъ вамъ и постановку вопроса, формулируя его такъ:

— Любовникъ или ребенокъ?

„Я хотѣлъ только дать картину всего ада мукъ, которая должна перенести женщина, рѣшившаяся пойти противъ общественного порядка, представить судьбу несчастной, которая, въ какую бы сторону не обратилась, встрѣчаетъ ударъ обухомъ по головѣ“...

Хотѣлъ или не хотѣлъ Пшибышевскій ставить вопросъ, и какъ бы наивенъ этотъ вопросъ ни былъ съ его точки зрѣнія, однако, проблема выставлена всей пьесой, всѣмъ ея содержаніемъ, всѣми подчеркиваніями автора, который много разъ повторяетъ эту формулу въ самомъ текстѣ драмы, влагая въ уста дѣйствующихъ лицъ одни и тѣ же слова:

— Любовникъ или ребенокъ?

Женщина, обреченная на гибель за то, что позволила себѣ полюбить человѣка и ради этого чувства покинуть мужа и разстаться съ ребенкомъ, котораго ей мужъ не уступалъ, эта страдалница, Ганка Бѣльская, мастерски обрисована Пшибышевскимъ.

Зритель все время на ея сторонѣ, сочувственно, вмѣстѣ съ ней, испытывая всѣ ея муки.

Всѣ ея муки вращались вокругъ одного и тяжелаго страданія—страданія разлуки съ ребенкомъ.

Есть и другая причина ея страданія, о которой Пшибышевскій совсѣмъ напрасно умалчиваетъ, и, повидимому, не замѣчаетъ вовсе. Это мужской эгоизмъ.

Авторъ довольно неопредѣленно жалуется на „желѣзный неумолимый законъ общественного порядка“, на то, что „Ганкѣ ничего нельзя“, „къ Ганкѣ никто не знаетъ состраданія“, а мы, смотря и читая, и перечитывая его драму, проникаемся убѣжденіемъ, что главныя-то причины всѣхъ ея бѣдъ—неумолимый и, дѣйствительно, желѣзный законъ мужского засилія.

Два соперника,—и мужъ ея Бѣльскій, и возлюбленный Вацлавъ Дрвенскій,—знать не хотятъ всѣхъ ея страданій, ея природной потребности и природнаго права—имѣть неотъемлемо при себѣ свою дѣвочку—права на ребенка, естественнаго права материнства. Одинъ думаетъ:

— Она разлюбила меня, бросила меня—ну, такъ не дамъ ей ребенка.

Другой требуетъ:

— Люби только меня, меня одного! Ребенокъ не нуженъ!

Этотъ грубый эгоизмъ, эгоизмъ, лишенный свѣтлыхъ сторонъ истинной человѣчности, эгоизмъ, близкій къ животному чувству, и служить главной причинной страданій Ганки и ея разочарованности, приведшей ее къ отчаянному концу,—къ самоубійству.

Жаль, что она не сознаетъ этого. Она, быть можетъ, тогда отвернулась бы отъ своего милаго Вацлава, понявъ всю грубооскорбительную подоплеку всей духовно-нищенской сущности этого самца. Тогда, быть можетъ, сладились бы какъ-нибудь иначе и ея отношенія съ мужемъ: онъ, освобожденный отъ соперника и значительно облегченный въ терзаніяхъ своего мужского самолюбія, быть можетъ, скорѣе пошелъ бы на уступки и вернулъ ей ребенка.

Но авторъ, не удовольствовавшись и безъ того жестокими картинами пытокъ души злополучной Ганки, бьющейся въ нравственныхъ судорогахъ между двумя „твердо-каменными“ стѣнами,—ледяными сердцами мужчинъ-соперниковъ, добавилъ еще эпизодъ, въ конецъ добившій несчастную страстотерпицу.

Онъ такъ и объясняетъ свой замыселъ:

— Надо было заградить ей всѣ выходы, отнять всѣ надежды.

И отнялъ. И, въ довершеніе всѣхъ ужасовъ, прибавилъ трагической эпизодъ исключительнаго характера: заставилъ талантливаго, почти гениальнаго артиста Яноту, влюбленнаго въ Ганку, совершить надъ ней подлое и грязное насиліе въ удовлетвореніе порыва сладострастія, пользуясь моментомъ ея забытья и обморока.

По-истинѣ жестокой талант!

Онъ такъ прямо и говорить:

— Надо же было окончательно раздавить и добить Ганку!

„Надо было“ ему, жестокому автору, убить и свою героиню, да и себя самого кстати,—по крайней мѣрѣ, свою драму.

Вышло что-то въ родѣ мелодрамы. И немного скучноватой, монотонной: все разговоры, отмѣнно длинные. И все — съ ней, съ Ганкой. И все—объ одномъ и томъ же. А движенія-то мало.

Драма вышла, при всѣхъ достоинствахъ литературнаго характера, полноты психологическаго анализа, правдивости въ обрисовкѣ лицъ, не достаточно сценичной. Я понимаю ошибку г. Броневскаго: пьеса въ чтеніи оченъ интересна. Естественно было и увлечься ею для выбора въ репертуаръ.

На исполненіи отразилась эта монотонность драматическаго содержанія пьесы. Г-жа Пашенная, напримѣръ, умѣющая давать яркіе образы, начала въ сильныхъ, страдальческихъ нотахъ, требуемыхъ авторомъ. Но вскорѣ, видимо, устала. И центральные пункты въ трагедіи души Ганки, тамъ, гдѣ она скорбно и нѣжно говорить о ребенкѣ, о томъ, чего стоило ей и его рожденіе, и нѣжный уходъ за нимъ и разлука съ нимъ, вышли у г-жи Пашенной довольно холодны.

Зато г-жа Смирнова, въ роли подруги Ганки, роли, въ которой душевныя переживанія болѣе сконцентрированы, смогла ярко выразить всю мучительную озлобленность, оледенѣлость души женщины, брошенной мужскимъ эгоизмомъ на произволъ судьбы.

Сильное впечатлѣніе производитъ и г-жа Комаровская, — невѣста Яноты, обличающая его въ лживой и лицемерной игрѣ чужой душой, въ умѣнь носить маску влюбленности, при холодѣ души.

Цѣльный и правдивый образъ любовника-эгонста, корректно-жестокаго и жестоко-корректнаго далъ г. Ленинъ (Вацлавъ Дрвенскій).

И г. Рыжовъ (Бѣльскій) далъ правдивую фигуру мужа, таящаго въ себѣ борьбу между неостывшею страстью къ женѣ и чувствомъ оскорбленнаго самолюбія съ характеризующимъ его опасеніемъ, какъ бы, простивъ женѣ ся измѣну, не стать „помѣшищемъ“ свѣта.

Въ драмѣ Пшибышевскаго — не одна драма; тутъ цѣлый рядъ встрѣчъ женщинъ съ обманувшими ихъ мужчинами, и между такими „мужчинами-обманщиками“ типичный образъ человека, холоднаго и довольно трусливаго въ роковыя минуты женскихъ катастрофъ, показалъ намъ г. Бравичъ (Орличъ).

В. Ермиловъ.

ПРАЗДНИКЪ ПРАЗДНИКОВЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

Чествованіе Гликеріи Николаевны Фодотовой.

Торжественно, и вмѣстѣ съ тѣмъ, задушевно, тепло было отпраздновано въ Маломъ театрѣ пятидесятилѣтіе великаго служенія, великаго „хожденія по мукамъ“ творчества артистки ч е л о в ѣ к а, Гликеріи Николаевны Фодотовой.

Тамъ была вся театральная Москва и весь цвѣтъ ея интеллигенціи.

Только поднялся занавѣсъ—и всѣ, какъ одинъ, почтительно встали со своихъ мѣсть, и потряслась зала отъ несмолкаемыхъ рукоплесканій. Юбилярша, послѣ цѣлаго ряда лѣтъ разлуки со сценой, больная, прикованная къ креслу, на этотъ исключительный день своей жизни переродилась вновь. Явились неожиданныя силы. Слово свершилось съ ней чудо. Встаетъ съ одра болѣзни, подымается бодро, энергично, и кланяется низко, растроганная, вся въ слезахъ, — своимъ многочисленнымъ почитателямъ.

Какъ въ былые дни расцвѣта силъ и великаго дара, мощно, изящно, прочувствованно провела она сцену, въ которой пришло ей участвовать въ послѣдній разъ своей жизни.

Сцену—изъ хроники Островскаго: „Дмитрій Самозванецъ“ и „Василій Шуйскій“.

Да, въ послѣдній, въ послѣдній разъ!..

Никогда, никогда не услышимъ, не увидимъ мы ее въ ея непереработанномъ - чудесныхъ созданіяхъ: въ Офелии, Катеринѣ (Островскаго) и Катаринѣ (Шекспира), Беатриче, Клеопатрѣ, леди Макбетъ.

„ГАМЛЕТЪ“ НА СЦЕНѢ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА.

Г-нъ Лужскій въ роли Полонія.

Рис. Эльскій.

Репродукц. воспрещ.

И горе и радость—изумленіе и восторгъ,—вотъ буря чувствъ, волновавшихъ и ее, великую, и всѣхъ, кто ее чествовалъ, и привѣтствуя, и прощаясь...

Благодарили за многое. За чары нездѣшнихъ радостей, которыми много лѣтъ награждала она русскую интеллигенцію,— за дружбу, товарищество, материнскія попеченія о младшихъ работникахъ сцены, юныхъ артистокъ и артистовъ, учившихся у нея искусству и пониманію его, и любви къ своему великому дѣлу, и жаждѣ, и рвенію къ труду, къ труду неусыпному, труду—самоотверженію.

Рѣчи Ермоловой, Южина, телеграммы Собинова и другихъ славныхъ дѣятелей сцены, просвѣщенія, науки—все, все это составило праздникъ незабываемый, истинный и непритворный праздникъ праздниковъ русской сцены.

В. Е.

„ТИХІЯ СЛОВА“.

Въ пятницу 6-го января въ Голицинскомъ музыкально-драматическомъ кружкѣ г. Тальниковымъ была прочитана лекція о деревенскомъ театрѣ.

Коснувшись въ предисловіи къ своей лекціи взаимоотношеній между интеллигенціей и народомъ (деревня!), лекторъ отмѣтилъ эволюцію этихъ отношеній, выразившуюся, главнымъ образомъ, въ томъ, что отъ преклоненія мы постепенно перешли къ полнѣйшему разочарованію и индифферентизму, а „недавнее прошлое“ привело насъ окончательно къ тупику.

Бездорожье это и апатія — явленія временныя, проходящія и г. референтъ глубоко вѣрить, что мы снова задумаемся надъ судьбой нашего многострадальнаго брата, приобщимъ его къ просвѣщенію и искусству, въ облагораживающемъ вліяніи котораго онъ нуждается болѣе, чѣмъ кто-либо.

Перейдя къ исторіи развитія деревенскаго театра въ Россіи, г. референтъ очень интересно, но, къ сожалѣнію, слишкомъ схематично, познакомилъ слушателей съ главнѣйшими этапами этого движенія: театры Юрьева, Бунакова, петербургскаго комитета грамотности, народный театръ въ Москвѣ, крестьянскій театръ въ селѣ Рождественскомъ, передвижной волжскій театръ и, наконецъ, Голицинскій.

Особенностью народнаго театра нашихъ дней, по мнѣнію г. референта, является его расчлененіе на театры школьные, фабричные, общедоступные и деревенскіе.

Въ ряду послѣднихъ наиболѣе почетное мѣсто занимаетъ театръ при станціи Голицино, функционирующій два года и насчитывающій 114 членовъ-крестьянъ.

За эти два года театромъ поставлены 47 спектаклей, устроено 12 музыкально-литературныхъ вечеровъ и прочтено 4 лекціи; число посѣтителей достигло 4.000 человекъ.

Лекторъ, состоящій однимъ изъ организаторовъ названнаго театра, подѣлился своими крайне интересными наблюденіями, какъ надъ крестьянами-актерами, такъ и надъ деревенской публикой.

Необходимость гримироваться и надѣвать парики („покойничкіе волосы“) долгое время смущало деревенскихъ лицедѣевъ.

Чему же долженъ служить деревенскій театръ, какія цѣли преслѣдовать?

Взглядъ на деревенскій театръ, какъ на мѣсто только увеселенія и развлеченія, равно какъ и на помощника школы, усиленно пропагандируемый многими изъ его дѣятелей, видящими въ немъ, напримѣръ, антиалкогольную прививку, — категорически и вполне справедливо отвергается лекторомъ.

Театръ долженъ быть школой, но школой прекраснаго, разсадникомъ чистаго искусства.

„ГАМЛЕТЪ“ НА СЦЕНѢ ХУДОЖЕСТВЕННАГО ТЕАТРА.

Рис. Эльскій.

Репрод. воспр.

Воинъ.

Сообразно съ этимъ, въ репертуарѣ деревенскаго театра не должно быть пьесъ ярко-тенденціознаго характера.

Указавъ на подмѣченную многими изъ дѣятелей народнаго театра (Поссе, Бунаковъ) любовь народа къ героическому, незаурядному, лекторъ, не соглашаясь съ послѣднимъ (незаурядностью сюжета), намѣчаетъ желательный репертуаръ (Островскій, А. Толстой, Лессингъ, Бомарше, Шиллеръ и Мольеръ).

Особенное вниманіе должно быть обращено на декоративную сторону спектаклей, такъ какъ психологическое воспріятіе сцены у крестьянъ таково, что разчитывать на поддержку фантазій и воображенія не приходится.

Кто же долженъ играть въ деревенскихъ театрахъ?

Конечно, и среди крестьянъ есть много актеровъ - самородковъ, но для процвѣтанія этого дѣла еще на долгое время необходимо участіе артистовъ-профессионаловъ.

Такое содержаніе лекціи.

Очевидно, отсутствіе публики — о чемъ можно очень жалѣть — заставило лектора быть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень и очень краткимъ, о чемъ, опять-таки, можно только жалѣть.

Это обстоятельство, по-моему, отразилось и на преніяхъ, имѣвшихъ мѣсто послѣ лекціи; такъ, напримѣръ, въ особю горячо дебатировавшемся вопросѣ о платности или бесплатности деревенскихъ спектаклей — ясно чувствовалось взаимное непониманіе, объясняемое чрезмѣрной лаконичностью и поспѣшностью г. референта.

Въ преніяхъ принимали участіе гг. Урусовъ, Тихоновичъ и Ермиловъ, прочитавшія, по существу, вторую лекцію. Г. Тальниковъ, учитывая психологию деревенскихъ массъ, скептически относящихся ко всякаго рода бесплатнымъ начинаніямъ, высказался за взиманіе хотя бы самой минимальной платы.

Средства, какъ для покрытія дефицита, такъ и для широкой организаціи дѣла народнаго театра, могутъ быть добыты, по мнѣнію г. референта, путемъ образованія всероссійскаго фонда.

Какъ представляеть себѣ г. Тальниковъ возникновеніе этого фонда определить довольно трудно, такъ какъ высказанныя имъ пожеланія о добровольныхъ отчисленіяхъ съ городскихъ спектаклей, о томъ, чтобы такія колоссальныя суммы, какъ напримѣръ, затраченныя Художественнымъ театромъ на постановку Гамлета — употреблялись бы лучше на дѣло развитія деревенскаго театра — отличаются слишкомъ большою наивностью.

Помимо этого, указанный способъ образованія фонда, какъ основанный на благотворительности, находится въ прямомъ противорѣчій съ подмѣченнымъ и одобреннымъ г. референтомъ скептическимъ отношеніемъ народа къ бесплатнымъ начинаніямъ.

Эта непослѣдовательность была прекрасно вскрыта, во время преній, г. Тихоновичемъ, указавшимъ на то, что если матеріальная поддержка будетъ предоставляться общественными или государственными учрежденіями, то ни о какой благотворительности, а слѣдовательно и отрицательномъ отношеніи народа не можетъ быть и рѣчи.

Въ конечномъ итогѣ лекцію надо признать очень интересной. Если г. референтъ и проявилъ много наивности и прекраснотушія, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ о посѣщеніи нашими „знаменитыми“ артистами деревни, то это находитъ свое объясненіе въ общемъ міросозерцаніи г. лектора.

Вопросъ о прочномъ обоснованіи театра въ деревнѣ — вопросъ жгучій и серьезный и каждая попытка, выражаясь словами г. референта, „бросить лучъ свѣта“ на дѣятельность, предпринимаемую въ этомъ направленіи — должна быть горячо привѣтствуема.

М. В. Орловъ.

СОЮЗЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

И. И. БРОДСКІЙ. — Автопортретъ.

МУЗЫКА.

КОНЦЕРТНАЯ НЕДЕЛЯ.

Симфоническіе концерты Русскаго Музыкальнаго и Филармоническаго Обществъ. — Экстренный концертъ Филармоническаго Общества. — М. С. Венявская-Муромцева.

Седьмой симфоническій концертъ Филармоническаго Общества былъ посвященъ исключительно русской музыкѣ. Не всѣ номера программы однако принадлежали къ лучшему, что въ Россіи создано на музыкальномъ поприщѣ. Виолончельный концертъ Давыдова, напримѣръ, представляетъ изъ себя весьма водянистое подражаніе мендельсоновскаго стиля. Русскаго въ этой музыкѣ буквально ничего нѣтъ, несмотря на русскую національность композитора. Двѣ-три удачныя темы рубинштейновскаго пошиба тонуть въ безбрежномъ морѣ скучныхъ пассажей, неинтересныхъ гармоній, однообразныхъ ритмовъ и безразличныхъ общихъ мѣсть. Трудно сосредоточить свое вниманіе на этой музыкѣ, даже когда ее играетъ Казальсъ. Что король виолончелистовъ включилъ въ свой репертуаръ концертъ своего великаго русскаго предшественника—это, вѣроятно, актъ вѣжливости по отношенію къ московской и петербургской публикѣ, столь радушно принимающей его и столь восторженно относящейся къ его игрѣ. Трудно предположить, чтобы этотъ концертъ пришелся по вкусу самому Казальсу, который воспиталъ свой музыкальный вкусъ почти исключительно на Бахѣ.

Но игралъ Казальсъ, конечно, неподобно. Онъ слишкомъ серьезный артистъ, чтобы позволить себѣ малѣйшую небрежность даже по отношенію къ художественнымъ произведеніямъ, собственно недостойнымъ его несравненнаго исполненія. Въ свою настоящую колею Казальсъ вошелъ только сыгранной на *bis* сарабандой Баха и чрезвычайно изящными варіаціями на мепусть Гайдна.

Между оркестровыми номерами самымъ значительнымъ была гениальная фантазія Мусоргскаго „Ночь на Лысой горѣ“. Въ этой коротенькой музыкальной картинкѣ сосредоточено больше силы вымысла, больше музыкальной крови и темперамента, чѣмъ въ

четырехчастной сюитѣ Глазунова „Изъ среднихъ вѣковъ“ и предлинной, премудрой увертюрѣ къ „Орестѣ“ Танѣева вмѣстѣ взятыхъ. Только, благодаря ритмической энергій Рахманинова, дирижировавшаго концертомъ, и благодаря тонкому и любовному толкованію многихъ деталей, кое-что въ этой музыкѣ казалось менѣе скучнымъ, чѣмъ оно на самомъ дѣлѣ есть. Особенно выигрывали отъ дирижерскаго искусства Рахманинова маршъ Крестоносцевъ и грубоватое, хотя характерное, скерцо изъ глазуновской сюиты.

* * *

Могло показаться, что наши музыкальныя общества на прошлой недѣлѣ помѣнялись ролями. Послѣ русскаго концерта Филармоническаго Общества послѣдовалъ столь же „истинно-нѣмецкій“ концертъ Русскаго Музыкальнаго Общества. На программѣ—сочиненія Бетховена, Генделя, Моцарта, Шуберта. Въ общей сложности—слишкомъ много хорошаго въ буквальномъ смыслѣ слова. Восприимчивость публики, даже самой музыкальной, имѣетъ свои границы. Этого не надо забывать при составленіи программы. Послѣ героической симфоніи Бетховена и четырехчастнаго *concerto grosso* Генделя „коронаціонный“ фортепьянный концертъ Моцарта слушался уже утомленной аудиторіей. Тѣмъ болѣе г-жа Ландовская можетъ гордиться тѣмъ, что ей всетаки удалось приковать къ своей игрѣ всеобщее вниманіе и настолько воодушевить слушателей, что вызовамъ и требованіямъ *bis*’овъ не было конца. Очаровательное изящество и чисто женственная грація игры Ландовской нашли себѣ особенно удачное примѣненіе въ сыгранныхъ сверхъ программы вальсахъ Шуберта, премилыхъ миниатюрахъ настоящаго стиля „*Wiederkehr*“.

Э. А. Куперъ провелъ героическую симфонію Бетховена очень осмысленно, даже, быть можетъ, слишкомъ осмысленно. Благодаря слишкомъ большому вниманію, которое было уделено на рачительную обработку отдѣльныхъ эпизодовъ, мѣстами терялась нить послѣдовательности музыкальныхъ мыслей. Концертъ Генделя былъ сыгранъ отлично, и на менѣе пресыщенныхъ слушателей произвелъ бы, вѣроятно, большее впечатлѣніе.

СОЮЗЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

А. И. САВИНОВЪ. — Портретъ В. М. А.

Отрывки из оперь Шуберта появляются на программах симфонических концертов весьма рѣдко, почти никогда. Шубертъ писалъ всѣ свои оперы въ очень юномъ возрастѣ и писалъ ихъ безъ малѣйшей самокритики, съ полной неразборчивостью молодого композитора, не имѣющаго другой возможности избавиться отъ наплыва музыкальных мыслей. Поэтому среди оперной музыки Шуберта можно найти только весьма мало значительнаго. Увертюра къ „большой“ оперѣ „Альфонзо и Эстрелла“, исполненная въ отчетномъ концертѣ Музыкальнаго Общества, во всякомъ случаѣ не принадлежитъ къ перламъ шубертовскаго творчества. Единственнымъ свѣжимъ оазисомъ въ музыкальной пустынь этой увертюры является мелодичная вторая тема слегка опереточнаго характера.

* * *

Громкія имена красовались на афишѣ третьяго экстреннаго концерта Филармоническаго общества: Изаи, Казальсъ, Зилоти. Каждый изъ нихъ первоклассный артистъ на своемъ инструментѣ. Надо было предположить, что всѣ три вмѣстѣ взятые представляютъ изъ себя художественное цѣлое прямо-таки небывалой силы. Но, увы, ничего подобнаго не оказалось. Извѣстная изъ математики аксіома, что сумма не можетъ быть меньше своихъ слагаемыхъ, въ искусствѣ не всегда оправдывается. Эта сумма, во всякомъ случаѣ, оказалась меньше, значительно меньше, чѣмъ можно было ожидать по величинѣ отдѣльныхъ слагаемыхъ.

По просту говоря: трио—Изаи, Казальсъ и Зилоти играло плохо, такъ плохо, что пришлось недоумѣвать, какъ это три первоклассныхъ артиста могли такъ легкомысленно отнестись къ задачамъ искусства.

Неужели гг. Зилоти, Изаи и Казальсъ не знаютъ, что первое требованіе камернаго стилиа есть—единство исполненія? И что такое единство достижимо только благодаря тщательной совмѣстной работѣ. Исполненія же этого трио производили впечатлѣніе полнѣйшей неподготовленности и несыгранности, мѣстами, безъ преувеличенія, казалось, что три артиста съли, чтобы въ первый разъ въ жизни проиграть вмѣстѣ трио Брамса и Мендельсона. Можетъ быть, такъ и было. Каждый дѣлалъ, что ему приходило въ голову, не обращая ни малѣйшаго вниманія на своихъ партнеровъ. Иособенно Изаи и Зилоти старались все время, во чтобы то ни стало, выказать необузданную силу своей собственной индивидуальности. Въ свободное время такая музыкальная борьба, можетъ быть, очень занята. Но причеиъ тутъ заль Благороднаго собранія? Причеиъ полторы тысячи слушателей? Въ скерцо и финалъ мендельсоновскаго трио артисты даже не потрудились столкнуться объ основномъ темпѣ, не говоря уже о деталяхъ ритма и фразировки. Получилась печальная картина: на взбаломученномъ морѣ трехъ разныхъ темпераментовъ неслись обломки трио Брамса и Мендельсона и не было той сильной руки, которая сплотила бы ихъ воедино.

Наградой за это трио была игра Казальса, который исполнилъ с-моп'ную сюиту Баха для виолончели solo. Спокойное благородство, идеальная чистота, безупречная техника, удивительно тонкая фразировка его игры заставила всѣхъ слушателей преклониться передъ этимъ великимъ художникомъ.

Изаи игралъ двѣ слашавыя бездѣлушки, изъ которыхъ одна была собственнаго производства, другая принадлежала перу Сень-Санса. Въ надушенной атмосферѣ какого-нибудь парижскаго салона эта музыка можетъ быть очень къ мѣсту. Въ серьезномъ концертѣ отъ такого артиста, какъ Изаи, можно и должно было требовать лучшаго выбора.

* * *

Въ рождественское концертное безвременье обратили на себя вниманіе концерты г-жи М. А. Венявской-Муромцевой. „Освѣдомленные круги“, т.е. люди, знавшіе про парижскіе успѣхи молодой пѣвицы, давно ждали этихъ концертовъ и не обманулись въ своихъ надеждахъ. Г-жа Венявская призвана занять весьма почетное мѣсто среди русскихъ пѣвицъ. Голосъ ея, правда, небольшой, но она владѣетъ имъ въ совершенствѣ. Благодаря этому, г-жѣ Венявской доступна не только вся широкая область французскихъ и рус-

скихъ романсовъ и нѣмецкихъ Lied'er'овъ, но и вокальная литература колоратурнаго характера. Это она доказала чрезвычайно удачнымъ исполненіемъ нѣсколькихъ колоратурныхъ арій, среди которыхъ съ особеннымъ мастерствомъ была спѣта знаменитая „Каватина“ изъ „Севильскаго цирюльника“. Было бы весьма интереснымъ послушать г-жу Венявскую на одной изъ московскихъ сценъ, хотя покаместъ вопросъ остается открытымъ, хнатаетъ ли у ея голоса силы для театра. Судя по исполненію нѣкоторыхъ романсовъ и французскихъ пѣсенъ легкаго жанра, г-жа Венявская, несомнѣнно, обладаетъ, можетъ быть, педюжиннымъ сценическимъ талантомъ.

Риземанъ.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ.

С.-Петербургъ, 8 января 1912 г.

НЕ надо быть особенно мрачнымъ пессимистомъ, чтобы чувствовать тяжелый кризисъ, переживаемый въ настоящее время нѣкоторыми областями искусства, — кризисъ, грозящій полнымъ паденіемъ, Рагнарокомъ, закатнымъ днемъ. Возьмемъ вокальное искусство, иная явленія котораго, становящіяся типичными, невольно должны беспокоить всякаго чуткаго наблюдателя.

Я пишу подъ впечатлѣніемъ одного „блестящаго“ вокальнаго концерта, состоявшагося на-дняхъ въ дворянскомъ собраніи, — но менѣе всего предполагаю писать рецензію объ этомъ концертѣ; да онъ ея и не заслуживаетъ... Даже именъ мнѣ не хотѣлось бы называть, но я боюсь, что безъ этого мои размышленія покажутся мало убѣдительными.

Вечеръ этотъ, несмотря на весь свой внѣшній, зрительный блескъ, обиліе цвѣточныхъ подношеній и фурорный шумъ, привелъ меня въ тоскливое настроеніе, — отчасти безотчетное, смутное: я и самъ не сразу разобрался въ томъ, что, собственно, въ данномъ случаѣ, было такого тяжелаго, тревожнаго и раздражающаго; разобравшись же въ своихъ впечатлѣніяхъ, не могу не подѣлиться ими съ читателями.

Тяжело то, что подобные фурорные вечера съ нелѣпыми программами, даваемые отнюдь не представителями каскаднаго жанра, становятся весьма характерными, обычными для нашего времени. Эти „бытовыя явленія“ съ ихъ взвинченной помпой все болѣе и болѣе показываютъ, какъ быстро идутъ по лѣстницѣ внизъ многіе жрецы и жрицы художественнаго пѣнія, какъ деградируетъ и вырождается ихъ искусство. Да не покажется это парадоксомъ въ переживаемую нами эпоху ни съ чѣмъ не сообразнаго поклоненія отдѣльнымъ „любимцамъ“, въ эпоху ни съ чѣмъ не сообразныхъ гонораровъ, получаемыхъ множествомъ оперныхъ артистовъ, — цѣлымъ сонмомъ „единственныхъ и несравненныхъ“: если избавиться отъ гипноза, навѣваемаго невѣроятнымъ апломбомъ, безсовѣстной рекламой и сопровождающей ее сусальной шумихой, то придется убѣдиться, что само мѣрило „единственности и несравненности“ за послѣднее время страшно понизилось. Стоить только мысленно перенестись въ прошлое, даже не особенно далекое, — когда „сдерживающіе центры“ еще не допускали за кулисами оперы такого махроваго расцвѣта эгоизма, безнравственности и продажности, когда служеніе искусству не превращалось еще въ столь болѣзненно-напряженное плетеніе интригъ, когда жажда славы-золота еще не поглощала окончательно любви къ дѣлу, когда артистическія страсти не походили еще на такой бѣшенный биржевой ажіотажъ.

Въ идеалѣ — никакой музыкальный инструментъ не можетъ сравниться своими чарами съ пѣніемъ живого голоса, такъ непосредственно и понятно передающаго, въ связи со словомъ, всѣ эмоціи человѣческаго сердца. И люди жаждутъ слышать художественное пѣніе, — они тянутся къ нему, какъ растенія къ солнцу. Съ культурнымъ развитіемъ массъ и съ параллельнымъ развитіемъ удручающей прозы жизни эта потребность увеличивается и расширяется. Никогда еще, кажется, спросъ на хорошее пѣніе не былъ такъ великъ, какъ въ наше время. Сознавая это, всѣ теперь стремятся пѣть, — но пѣть не отъ избытка чувствъ, не для себя и своихъ близкихъ, а пѣть профессионально, притомъ непременно первѣйшія роли, внѣ конкурса по особо возвышеннымъ цѣнямъ: всѣхъ, сколько-нибудь надѣленныхъ голосомъ, неудержимо манитъ оперная карьера, сулящая столько лавровъ и, главное, столько денегъ, сколько не дастъ ихъ никакой другой трудъ, хотя бы и самый талантливый, прекрасный и плодотворный. Въ результатѣ — какъ ни великъ спросъ на пѣвцовъ и пѣвицъ, предложеніе во много разъ превышаетъ его, а достойныхъ музыкальной драмы артистовъ все-таки очень мало. Оперныя труппы переполнены, а многихъ замѣчательныхъ вещей нельзя ставить за отсутствіемъ соответственныхъ силъ.

Искусство музыкальной драмы, принося человѣчеству такіе безцѣнные дары и вознося своихъ жрецовъ на исключительную высоту, въ свою очередь требуетъ отъ нихъ немалого, и прежде всего — честнаго, самоотверженнаго служенія. Вокальное искусство въ тѣсномъ смыслѣ, при наличіи у субъекта хорошаго голоса и способностей, изучается сравнительно легче другихъ, несмотря даже на полчища профессоровъ-шарлатановъ, портящихъ голоса. Но на сценѣ пѣвецъ не имѣетъ никакого права на особое къ себѣ вниманіе, если въ его пѣніи нѣтъ мастерства и выразительности, если онъ не надѣленъ специальнымъ талантомъ, сценическимъ призваніемъ и лирико-драматическимъ темпераментомъ. Кроме того, наше время въ особенности настойчиво предъявляетъ ко всякому артисту требованіе общей интеллигентности: его внутреннее „я“ должно быть содержательно и интересно. Только необычайная артистическая чуткость, — чуткость избранныхъ натуръ, — можетъ восполнить у пѣвца отсутствіе сознательности и разносторонняго развитія.

Къ этимъ, казалось бы, апіорнымъ истинамъ большинствомъ оперныхъ лицедѣевъ, увы, продолжаетъ относиться съ удивительнымъ, иной разъ прямо преступнымъ, легкомысліемъ и пренебреженіемъ. „Все это только слова, — какъ бы говорить намъ огромное множество пѣвцовъ и пѣвицъ: какая тамъ интеллигентность, какая тамъ эрудиція, — даже никакого особеннаго дарованія, никакой особенной школы не требуется, если сумѣть хорошенько пустить пыль въ глаза!“ И пускаютъ, кто половчѣй, — не жалѣя своего человѣческаго (заключительнаго) достоин-

ства и прибѣгая къ средствамъ, на три четверти ничего не имѣющимъ общаго съ искусствомъ. Лишь бы какъ-нибудь выдѣлиться, какъ-нибудь выплыть, — а тамъ услужливая реклама поможетъ удержаться на поверхности!

Правда, „избранныхъ“ всегда было мало, но въ наше запутанное время очень часто и „неизбранные“ отнюдь не падаютъ духомъ и не устраниются, а навязчиво функционируютъ, своею смѣлостью ошеломляя сбитуую съ толку публику. Но и среди призванныхъ уже рѣдко кто довольствуется отведеннымъ ему судьбой мѣстомъ: пожираемое алчностью и завистью большинство стремится, во что бы то ни стало, въ extra-знаменности, — вовсе не имѣя на то соответственныхъ данныхъ. Родной сцены, родного города, наконецъ — родной страны имъ уже далеко недостаточно: весь свѣтъ, начиная съ Вавилонна-Парижа (гдѣ, какъ извѣстно, все покупается), долженъ прокричать о нихъ, чтобы затѣмъ и родина платила имъ вчетверо! И вмѣсто скромныхъ, но полезныхъ силъ, продуктивно работающихъ на пользу искусства и во имя его, получаютъ эфемерные пустоцвѣты, блескъ которыхъ искусственно поддерживается пресловутой publicit , насквозь пропитанной фальшью и ложью.

Какъ это безконечно грустно, и какъ много теряетъ искусство отъ такой mania grandiosa его представителей!

Зато какого сочувствія и преклоненія заслуживаютъ тѣ истинные таланты, которые чуждаются подобной „публичности“ и съ достоинствомъ идутъ своимъ путемъ, вполне сознавая великую отвѣтственность артистической миссіи! Съ какой благодарностью и почтеніемъ будемъ мы вспоминать карьеру такихъ артистовъ, какъ, на примѣръ, покойный Стравинскій или нынѣ здравствующая Славина, — этихъ выдающихся силъ, такъ много сдѣлавшихъ въ своемъ добросовѣстномъ и проникновенномъ служеніи искусству! Къ несчастью, такихъ честныхъ и сознательныхъ талантовъ становится все меньше и меньше...

Что касается вокальныхъ „звѣзд“, то въ прежніе годы мы восхищались дѣйствительно феноменальными голосами и искусствомъ такихъ пѣвцовъ, какъ Мазини (беру наиболее яркіе и извѣстные примѣры). Впослѣдствіи артистическою интеллигентностью исполненія, которой не хватало пѣвцамъ типа Мазини, стали чаровать насъ Собиновъ, — являющійся, однако, какъ пѣвецъ въ тѣсномъ смыслѣ, только „Мазини въ миниатюрѣ“. Затѣмъ,

на оперномъ небо-склонѣ появляется уже блѣдная копія Собинова, теноръ г. Смирновъ, — артистическая посредственность со свѣжимъ, но вовсе не замѣчательнымъ голосомъ, считающая себя тоже призванной „завоевывать свѣтъ“. А вотъ, надняхъ, мнѣ пришлось услышать новую звѣзду, — баритона г. Бакланова, о которомъ publicit  прокричала, что онъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ затмилъ все и вся. И что же оказалось на повѣрку? Очень хорошій, звучный голосъ парализуется неумѣніемъ пѣвца владѣть имъ, — неумѣніемъ даже про-

СОЮЗЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

А. М. ВАСНЕЦОВЪ. — Медвѣдчики (Старая Москва).

ивить, какъ слѣдуетъ, звуковыя качества своего вокальнаго органа; главное же,— до странности деревянное, безразличное, безталанное пѣніе,— полная безпомощность фразировки, полное отсутствіе всякой экспрессіи (даже въ такой благодарной вещи, какъ „Христовъ воскресъ“ Рахманинова)! Слушая г. Бакланова, невольно задаешь себѣ вопросъ: да зачѣмъ, собственно, этотъ человѣкъ поетъ?! — И тѣмъ не менѣе,— „знаменитость“, о которой „шумятъ“! По сравненію съ нею даже названный г. Смирновъ представляется интереснымъ, выдающимся артистомъ,—такъ спускается понятіе „знаменитости“ со ступеньки на ступеньку!

Въ концертѣ, познакомившемъ меня съ „искусствомъ“ г. Бакланова и побудившемъ написать эти строки, принималъ участіе теноръ А. Давыдовъ. Этотъ пѣвецъ никогда не лѣзъ во „всемирныя звѣзды“, но въ Россіи онъ заслуженно приобрѣлъ себѣ прекрасное, славное имя. Несмотря на то, что пріятный голосъ Давыдова за послѣднее время потускнѣлъ и потерялъ въ силѣ, пѣвецъ этотъ еще долго будетъ доставлять намъ большое наслажденіе своимъ дѣйствительно превосходнымъ исполненіемъ. Рядомъ съ г. Баклановымъ пѣніе Давыдова показалось настоящимъ откровеніемъ живого таланта и живого искусства,—такъ одухотворено это музыкально-экспрессивное пѣніе и столько въ немъ мастерства!

Но Давыдовымъ, конечно, не угнаться за знаменитостями новѣйшей формации! И развѣ удивительно, что при такой вакханаліи артистическаго эгоизма, стремящагося къ скороспѣлой славѣ,—въ оперныхъ театрахъ процвѣтаетъ пошлая, глубоко антихудожественная „гастрольная“ система.

Когда говоришь о гастролерахъ, въ воображеніи невольно выплываетъ фигура Шаляпина. Но вѣдь Шаляпинъ—исключеніе, только подчеркивающее общее ненормальное положеніе вещей. И, затѣмъ, самый фактъ, что Шаляпинъ въ наше время представляется исключеніемъ,—какимъ-то недосыгаемымъ божествомъ, ничего общаго не имѣющимъ со своими собратьями по сценѣ,—заставляетъ призадуматься. Вѣдь тѣ вокально-сценическіе и музыкально-драматическіе элементы, которые въ своей гармоничной совокупности составляютъ понятіе „Шаляпинъ“ должны бы быть присущи, въ той или иной степени,—всѣмъ безъ исключенія пѣвцамъ, дерзающимъ выступать въ музыкальной драмѣ. У однихъ этотъ синтезъ артистическихъ данныхъ можетъ достигать большой и даже великой силы, у другихъ выражаться менѣе ярко,—но онъ обязателенъ даже для занимающаго второстепенное амплуа на сценѣ. Словомъ, всѣ жрецы музыкальной драмы должны быть явленіями одного порядка. И можно сказать, что еще лѣтъ 25 тому назадъ, когда мы наслаждались искусствомъ Уэтамовъ, Котоньи, Корсовыхъ и Стравинскихъ, Шаляпинъ былъ бы только первымъ между равными. Во всякомъ случаѣ, такимъ онъ долженъ быть по самому существу дѣла. Ибо продуктивность гастролера, хотя бы и божества, довольно проблематична для искусства,—если смотрѣть на вещи *sub specie aeterni*.

В. Коломійцовъ.

ЛЕКЦІЯ КН. С. М. ВОЛКОНСКАГО „РИТМЪ ВЪ СЦЕНИЧЕСКИХЪ ИСКУССТВАХЪ“.

(Залъ Тенишевскаго училища, 8-го января).

Вопросъ, затронутый въ лекціи,— роль ритма (въ самомъ широкомъ смыслѣ) въ искусствѣ,—ждетъ своего практическаго разрѣшенія. Въ искусствѣ это вопросъ насущный, чѣмъ и объясняется интересъ, вызванный лекціей. Бываютъ положенія, смыслъ и убѣдительность которыхъ кажутся вполне ясными и, однако, нужно много усилій, чтобы установить или возстановить

ихъ въ жизни. Такъ и въ данномъ случаѣ: сценическое искусство, имѣющее своей первоосновой музыку, значительно ушло отъ нея, ушло отъ того, что составляетъ душу музыки—ритмъ. Являясь регуляторомъ работы, ритмъ бываетъ часто и ея первоисточникомъ; онъ всегда былъ факторомъ, имѣющимъ громадное значеніе на моральную и физическую природу человѣка. Машина, замѣняющая работу человѣка, съ XIX вѣка вытѣсняетъ и ритмъ, но тѣмъ дороже сохраненіе его въ красивѣйшемъ его проявленіи—въ искусствѣ. Лекторъ подчеркнул еще то особое значеніе, которое имѣетъ ритмъ при характерныхъ свойствахъ русской природы, болѣе другой нуждающейся въ волевыхъ, „ритмическихъ“ импульсахъ. Иногда лекторъ слишкомъ обобщалъ трактуемая понятія, напримѣръ, нѣсколько разъ опредѣлялъ музыку, какъ „дѣленіе времени“, но, конечно, такое опредѣленіе самимъ авторомъ допускается лишь *ad hoc*, для большаго оттъненія музыки, какъ „искусства времени“ въ отличіе отъ „искусствъ пространства“.

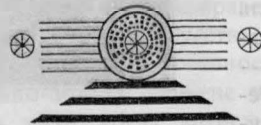
Особенно интересна была вторая часть лекціи—„Ритмъ на сценѣ“. Здѣсь лекторъ въ живыхъ примѣрахъ показалъ, въ какомъ пренебреженіи находится ритмъ—въ общемъ смыслѣ слова—у современной сцены. Слегка лишь коснувшись драмы, кн. Волконскій перешелъ къ оперѣ, гдѣ вмѣсто времени является музыка, вмѣсто вымысла воли—подчиненіе. Нарушеніе этого подчиненія ясно было показано лекторомъ въ такихъ примѣрахъ, какъ рѣзкое движеніе женскаго хора передъ молитвой Эльзы въ 1-мъ дѣйствіи „Лоэнгринъ“; въ безтолковомъ, несоответствующемъ музыкѣ поведеніи Татьяны послѣ ухода няни съ письмомъ во 2-й картинѣ „Онѣгина“; въ сценѣ убійства въ 4-мъ дѣйствіи „Карменъ“. Такіе примѣры, показывающіе явное нарушеніе музыкальнаго воплощенія, невольно заставляютъ задуматься надъ вопросомъ о человѣкѣ, какъ единственномъ звенѣ между искусствами зрительными и слуховыми. Въ лекціи были разобраны еще отрицательныя движенія въ оперѣ и сдѣлана характеристика балета съ точки зрѣнія его соотвѣтствія съ музыкой. Увы, эта характеристика скорѣе напомнила мартирологъ, а между тѣмъ, именно въ балетѣ, авторъ выказалъ себя настоящимъ знатокомъ вопроса. Тѣмъ интереснѣе было бы услышать эти живыя слова тѣмъ, кто сами создаютъ сценическое представленіе, являясь повседневными работниками театра,—тѣмъ, кто часто за деревьями не видитъ лѣса и вмѣсто насажденія истины поддерживаетъ среди публики рутину или заблужденіе.

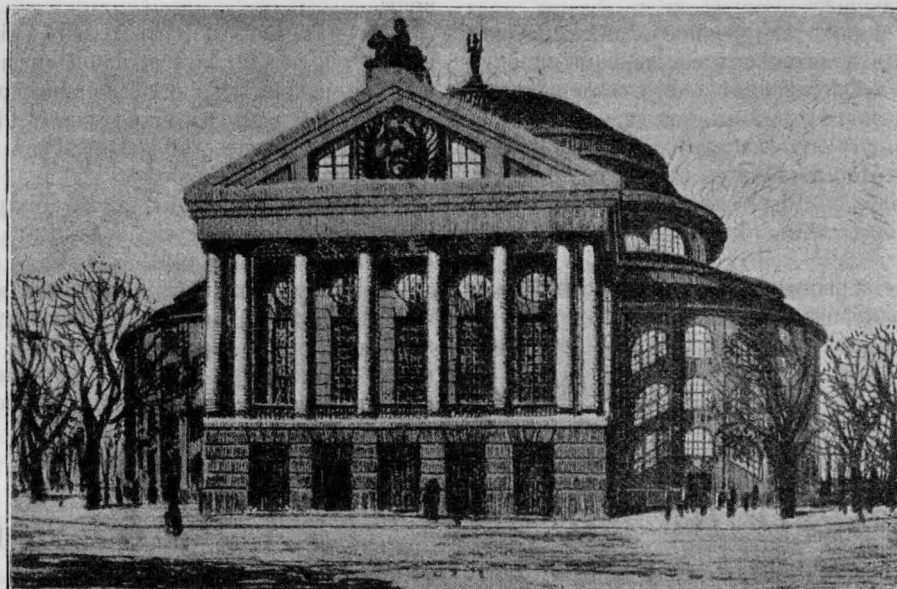
La-mi.

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ВЪ МАРИНСКОМЪ ТЕАТРѢ.

— На одной изъ репетицій „Тристана“ въ Маринскомъ театрѣ обрушились мостки, на которыхъ находилось человѣкъ 12. Въ результатѣ у статиста Рахманина сложный переломъ ноги, а у артиста Л. М. Сибирякова ушибы всего тѣла. Надо замѣтить, что нынѣшняя постановка „Тристана“ (реж. Мейерхольда и художника кн. Шервашидзе) изобилуетъ всякими мостками, подъемными мостами, горами, постройками и пр. Артисты постоянно жаловались на неудобство такихъ построекъ—легко оступиться, упасть, а какъ теперь оказалось, и совсѣмъ провалиться. Съ „Тристаномъ“, помимо послѣдняго несчастія, связаны и другія грустныя воспоминанія: на генеральной репетиціи, при возобновеніи два года назадъ, былъ раненъ баритонъ Смирновъ; недавно въ него же чуть не угодила на репетиціи осколокъ меча; на томъ же „Тристанѣ“ легкое пораненіе мечомъ получилъ Александровичъ (теноръ); на „Тристанѣ“ захворалъ въ Петербургѣ Моттль и по болѣзни не могъ уже дирижировать вторымъ его представленіемъ.

Внѣшній видъ театра 5 тысячъ.

АРХИТЕКТУРА, ВАЯНІЕ И ЖИВОПИСЬ.

„СВОБОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО“.

Нѣкоторые участники выставокъ общества „Независимыхъ“, задумали устроить свою собственную выставку, снабдивъ ее громкимъ названіемъ: „Свободное творчество“.

Первая выставка „Независимыхъ“ была составлена изъ произведеній, отвергнутыхъ жюри Московскаго товарищества художниковъ, т.-е. изъ матеріала, явившагося непріемлемымъ для художественной выставки. Упрекнуть жюри товарищества въ томъ, что оно не счумѣло разобратъ въ представленномъ матеріалѣ, конечно, нельзя.

Отъ единичныхъ ошибокъ никакое жюри не застраховано и среди большого количества отвергнутыхъ картинъ, можетъ быть, и нашлось бы нѣсколько такихъ, которыя могли бы фигурировать на выставкѣ товарищества, но все остальное, въ подавляющемъ большинствѣ, было, очевидно, непріемлемо.

И впослѣдствіи, выставки „Независимыхъ“ всегда производили впечатлѣніе, составленныхъ изъ забракованныхъ издѣлій. Нарожденіе другой выставки такого же типа является совершенно лишнимъ: „художества“ „Свободнаго творчества“, ничуть не отличаются отъ тѣхъ, которыя ежегодно преподносятся публикѣ „Независимыми“.

Кто выставилъ подворотные пейзажики, портреты и проч.; кто покусился на композицію, пытаясь дать иллюстраціи къ литературнымъ произведеніямъ. Перечислять всѣ эти упражненія не стоитъ, разумѣется; выдѣлимъ лишь то немного хорошее, что имѣется на этой печальной выставкѣ.

Останавливаютъ вниманіе вещи А. Кравченко, если и не слишкомъ оригинальныя, то все же интересныя, изобличающія въ авторѣ вкусъ и значительныя колористическія способности. Лучше другихъ — „Лѣсъ“, красивая декоративная вещь. Упомянутый художникъ могъ бы съ успѣхомъ фигурировать и на болѣе значительныхъ выставкахъ, а не среди убогихъ творчествъ своихъ коллегъ.

Д. Варапаевъ.

„УЧЕНИЧЕСКАЯ“.

Недавно закрывшаяся обычная выставка работъ учениковъ школы живописи была очень разнообразна. Среди участниковъ ея — представители всевозможныхъ направленій. Преобладали, по обыкновенію, пейзажные мотивы. Особенно яркихъ индивидуальныхъ талантовъ выставка не показала, но были художники интересные и, очевидно, работающіе серьезно. Нѣкоторые изъ нихъ уже знакомы по выставкамъ разныхъ художественныхъ обществъ, на которыхъ они съ успѣхомъ выступаютъ.

Д. В.

НОВЫЙ ПОЛЬСКІЙ КОСТЕЛЬ.

Костель печаленъ и угрюмъ, особенно теперь, зимой подъ снѣгомъ.

Въ декабрѣ освященъ и открытъ новый польскій костель на окраинѣ Москвы, въ Грузинахъ.

Долго, медленно, съ большими перерывами, воздвигался на грошевыя пожертвованія храмъ Божій, одно разрѣшеніе на постройку котораго было получено послѣ баснословныхъ усилій.

Зданіе темно-красное кирпичное, базиличнаго типа, съ граненымъ куполомъ надъ пересѣченіемъ наосовъ и многочисленными башенками. Стилъ — готическій, не то сѣверно-итальянскій, не то нѣмецко-польско-литовскій, мотивы котораго понадаются здѣсь и тамъ.

Костель не лишень своеобразнаго характера и отлично поставленъ на сравнительно большомъ пустырьѣ.

Внутри много простора, пропорціи въ общемъ красивы. Къ сожалѣнію, видно, что костель законченъ наскоро, кое-какъ, лѣпныя детали отсутствуютъ: вмѣсто нихъ грязныя борозды.

Допущенъ рядъ грубыхъ ошибокъ: цвѣтныя окна напоминаютъ собою дешевое застекленіе дачныхъ балконовъ, столбы опшукатурены слишкомъ массивно, детали

балюстрады хоръ мизерны и сухи, пробы росписи подь мраморъ прямо ужасающія.

Чувствуется, что широко задуманное зданіе доведено до конца другой рукой — архитекторъ, составившій проектъ и построившій все зданіе вчернѣ, не участвовалъ въ его отдѣлкѣ.

Костель печалень, угрюмъ, какъ-то замкнутъ: словно чувствуется что тѣ, которые будутъ въ немъ молиться, принесутъ къ престолу съ Ченстоховской Богородицей больше скорби и горя, чѣмъ благодарственнаго ликования.

Авторъ проекта и первоначальный его исполнитель — академикъ *Э. О. Богдановичъ*, преподаватель архитектуры въ Московскомъ училищѣ живописи, ваянія и зодчества.

С. Ноаковскій.

О ТЕАТРѢ „ПЯТИ ТЫСЯЧЪ“.

(Театръ массы).

Идея созданія театровъ-колоссовъ, которые, какъ нѣкогда античные театры, смогли бы вмѣщать народныя массы, — становится все болѣе популярной.

Практическое осуществленіе этой идеи сопряжено, однако, съ большими трудностями. И вотъ почему заслуживаетъ быть отмѣченнымъ проектъ молодого мюнхенскаго художника-архитектора *Августа Це*, который, какъ намъ кажется, просто и, вмѣстѣ съ тѣмъ, блестяще разрѣшаетъ эту сложную проблему.

Согласно этому проекту, зрительный залъ состоитъ изъ громаднаго партера и изъ многихъ террасо-образныхъ, расположенныхъ уступами и постепенно повышающихся къ верху, ярусовъ. Боковыя мѣста совершенно отсутствуютъ, благодаря чему поле зрѣнія повсюду одинаково.

Каждыя 70 мѣстъ, въ цѣляхъ безопасности, имѣютъ собственные выходы, гардеробъ и, что важнѣе всего, лѣстницу. Последняя, между прочимъ, совершенно изолирована (что гарантируетъ отъ неизбежной въ несчастныхъ случаяхъ давки) и выходитъ непосредственно на улицу.

Проектъ архитектора *Це* блестящимъ образомъ учитываетъ три основныхъ фактора театральнаго строительства: свободное поле зрѣнія, совершенную акустику, личную безопасность зрителей.

Необходимо отмѣтить еще одну любопытную подробность.

Расчитанный на пять тысячъ мѣстъ, театр-колоссъ нуждается, между тѣмъ, въ площади на 500 кв. метр. меньше нежели, на примѣръ, театръ принца-регента въ Мюнхенѣ, вмѣщающій, какъ извѣстно, всего 1100 человекъ.

Это обстоятельство имѣетъ, безъ сомнѣнія, громадное экономическое значеніе.

Оборудованіе сцены такого театра сводится къ минимуму и ограничивается, если такъ можно выразиться, сценическими намеками.

Освѣщеніе сцены производится изъ особаго купола, возвышающагося надъ ней; благодаря особымъ усовершенствованиямъ мыслимы различные свѣтовые эффекты, какъ-то: освѣщеніе только извѣстной части сцены, дифференцированное и красочное освѣщеніе.

М. О.

ЗА РУБЕЖОМЪ.

ЛОНДОНСКІЯ ПИСЬМА.

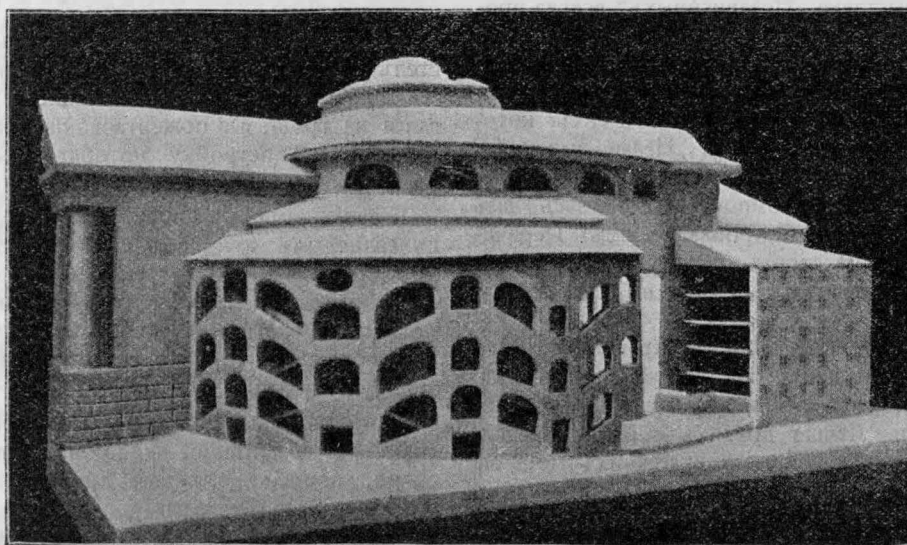
I.

Рождественскія пантомимы.

ПРИШЕЛЪ старый дѣдъ *Santa Claus*, принесъ съ собою праздничное настроеніе — и уставшіе отъ вѣчной работы и политической борьбы лондонцы обратились въ маленькихъ незлобивыхъ дѣтей, которымъ хочется простаго дѣтскаго веселья. Въ театры хлынула и заполонила почти всѣ сцены волна рождественскихъ пантомимъ, — ничто другое сейчасъ не интересуетъ англичанина. Изъ года въ годъ онъ смотритъ, въ сущности, однѣ и тѣ же, драматизированныя сказки и не теряетъ къ нимъ живѣйшаго интереса.

„Синдерелла или золотой башмачекъ“, „Синдбадъ Мореходецъ“, „Котъ въ сапогахъ“, „Мальчикъ съ пальчикъ“, „Дикъ Виттингтонъ“, — вотъ обычные темы пантомимъ, старыя какъ міръ, и въ то же время вѣчно новыя въ своей наивной прелести. Разумѣется, каждый разъ онѣ варьируются, и режиссеръ вноситъ въ нихъ много измѣненій, новыхъ сценъ, лицъ и куплетовъ на злобу дня, но суть остается та же самая.

По прежнему роли комическихъ старухъ обязательно исполняются клоунами, ибо принято, что женщины не

Модель театра 5 тысячъ.

Художника *Це*.

удобно появляться в грубо-смѣшной роли. И вотъ, клоунъ въ юбкѣ запрокидывается на спину и болтаетъ въ воздухѣ ногами, затынутыми въ трико тѣлеснаго цвѣта. Mrs Grundy снисходительно смѣется на его дурачества,—она знаетъ, что это переодѣтый мужчина, и не возмущается. Это можно. Совершенно другое было бы, если бы то же самое продѣлала женщина,—моментально вмѣшалось бы „Общество Нравственнаго Бдѣнія“, посыпались бы письма въ газеты и поднялась бы агитація въ прессѣ. Иногда даже въ Music-Hall'ахъ здѣсь освистываютъ артистокъ, слишкомъ откровенно показывающихъ свои dessous. И рядомъ съ этимъ роль главнаго героя (principal hero) всегда исполняется въ пантомимѣ дѣвицей въ одномъ трико. Таковы традиции. Мнѣ приходилось слышать рѣзкіе протесты противъ этого трико со стороны оскорбленныхъ пуританъ, но традиции не обязаны быть логичными и послѣдовательными. Артистка не смѣетъ поднять высоко юбку и показать ногу выше колѣна, но можетъ въ пантомимѣ ходить совсѣмъ безъ юбки и показывать всю ногу. Впрочемъ, за послѣднее время прежняя строгость нравовъ исчезаетъ и доморощенные цензоры-любители теряютъ свое вліяніе.

Какъ извѣстно, важную роль въ пантомимахъ играетъ „beast“, т.-е. какое-нибудь животное,—напримѣръ, осель, собака, котъ, обезьяна, пѣтухъ и даже корова. Корова, такъ сказать, въ роли драматической героини!

Нѣкоторые артисты специализировались на этомъ своеобразномъ амплу и достигли замѣчательнаго совершенства; при этомъ отъ нихъ требуется не только драматическій талантъ, но и акробатическая ловкость,—напримѣръ, корова исполняется двумя актерами, одинъ играетъ, если такъ можно выразиться, переднюю половину коровы, а второй—остальную! Можно себѣ представить, какъ они должны сыгратъся, чтобы изображать одно тѣло. И наибольшій смѣхъ, обыкновенно, вызываетъ сцена, когда корова, забывъ свое коровье достоинство, начинаетъ играть сама съ собой въ футболъ, раздѣливъ свои ноги на двѣ партіи.

Въ послѣднее время въ пантомимахъ начинаютъ выступать дѣти и превосходно играютъ. Это началось съ „Синей Птицы“ Метерлинка, которая имѣла здѣсь большой успѣхъ, хотя была поставлена очень шаблонно и нехудожественно.

Постепенно и медленно пантомимный репертуаръ пополняется новыми произведеніями, которыя начинаютъ оттѣснять старыхъ любимцевъ публики на задній планъ.

Особо исключительный успѣхъ выпалъ на долю очаровательной фантастической пьесы Барри: „Питеръ Панъ“ или „Исторія о мальчикѣ, который не хотѣлъ расти“. Пьеса ставится уже 8 лѣтъ,—мальчику теперь пошелъ 9-й годъ,—но она продолжаетъ пользоваться тѣмъ же успѣхомъ на сценахъ Англии, Америки и Австралии. „Питеръ Панъ“ принесъ уже автору, какъ мнѣ говорили, колоссальную сумму въ 150,000 фунтовъ стерлинговъ (1.500,000 рублей), и принесетъ въ будущемъ, можетъ быть, столько же. Барри передѣлалъ свою пьесу изъ своего же романа „The little white bird“, т.-е. „Маленькая Бѣлая Птица“. Рассказываютъ, что Метерлинкъ, будучи въ Лондонѣ, зашелъ къ Барри и, не заставъ его дома, оставилъ свою карточку, на которой написалъ: „отцу „Бѣлой Птицы“ и дѣду „Синей Птицы“!

Роль Питера Пана неизмѣнно играетъ хорошенькая, хотя холодная, молодая артистка Полина Чезъ, сдѣлавшая себѣ цѣлую карьеру на одной роли.

Въ этомъ году въ Savoy Theatre поставлена новая прелестная пантомима „Гдѣ кончается радуга“, которая по своей фантастичности и изяществу не уступитъ „Питеру Пану“ и общается войти въ постоянный репертуаръ. Два автора ея, оставшіеся подлѣ псевдонимомъ, изображаютъ здѣсь приключенія компаніи дѣтишекъ, отправившихся на коврѣ-самолетѣ въ царство драконовъ;

имъ сопутствуетъ неизбежный „beast“,—на этотъ разъ, левъ, и ихъ охраняетъ добрый духъ Св. Георгія въ латахъ, шлемѣ и съ мечомъ въ рукахъ. Британскій Левъ и Св. Георгій,—эмблема Англии, даютъ возможность авторамъ развить на этой канвѣ патриотической узоръ и вдохнуть империалистскія тенденціи, мало идущія къ мѣсту,—это является единственнымъ недостаткомъ изящной и милой въ общемъ пьесы.

Но всѣ новыя постановки въ этомъ сезонѣ затмѣваются „Чудомъ“ профессора Макса Рейнгардта, происходящимъ въ громадномъ манежѣ Олимпіи. Предъ знаменитымъ режиссеромъ стояла трудная задача, какъ использовать пустынное пространство манежа, не прибѣгая къ устройству сцены и занавѣса. И онъ выполнилъ ее блестяще. Олимпія преобразилась до неузнаваемости и обратилась въ суровый готическій соборъ съ колоннами, вдоль стѣнъ котораго устроены трибуны для зрителей вродѣ того, какъ это было устроено въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ во время коронаціи. Мистерія происходитъ въ соборѣ, и, такимъ образомъ, зрители становятся какъ бы участниками ея. Важную роль играетъ освѣщеніе—сильные прожекторы съ боковъ и съ трехъ люлекъ, подвѣшенныхъ къ потолку, бросаютъ снопы свѣта, причѣмъ цвѣтъ его мѣняется по мѣрѣ надобности. Такое устройство представляетъ серьезное неудобство,—яркій свѣтъ бьетъ прямо въ глаза зрителямъ и нарушаетъ реальность дѣйствія. Но съ этимъ приходится мириться,—нельзя же въ самомъ дѣлѣ требовать отъ режиссера чудесъ хотя бы въ постановкѣ „Чуда“.

Содержаніе мистеріи, сочиненной нѣкимъ Фольмеллеромъ, въ общемъ повторяетъ „Сестру Беатрису“ Метерлинка,—та же Мадонна, прощающая грѣшную монахиню, и та же молодая монахиня, которая убѣгаетъ въ мѣръ и много грѣшитъ, ибо много возлюбила, и возвращается поруганная, страдающая, съ младенцемъ на рукахъ,—Мадонна принимаетъ ея ребенка къ себѣ, какъ своего собственнаго, и бѣдная грѣшница находитъ наконецъ прощеніе и успокоеніе.

Остается неяснымъ,—есть ли „Чудо“ сонъ, который видитъ монахиня, оставленная на ночь въ церкви, или дѣйствительность? Критики справедливо упрекали Рейнгардта, что онъ недостаточно подчеркнул элементъ сна въ мистеріи, хотя очень легко могъ бы это сдѣлать, вернувъ, напримѣръ, въ концѣ все положеніе къ первоначальному. Указаніе это слишкомъ очевидно, чтобы режиссеръ могъ упустить его. Повидимому, онъ не хотѣлъ такъ дѣлать. Мы не знаемъ, почему. Съ другой стороны дѣйствіе все время совершается въ соборѣ, и хотя во II эпизодѣ сюда вкатывается цѣлая зеленая гора съ деревьями и лужайками, но... стѣны собора остаются,—это, а также повторяющееся иногда неожиданно церковное нѣние и переводъ колоколовъ, говорить какъ бы за сонъ. Это раздваивающееся впечатлѣніе мѣшаетъ цѣльности и законченности „Чуда“.

Сухой скелетъ мистеріи Рейнгардтъ расцвѣтилъ и оживилъ необыкновенными красками, создалъ много великолѣпныхъ процессій и поразительныхъ массовыхъ сценъ.

Знаменитый приѣмъ толпы съ воздѣтыми къ небу руками, съ такимъ успѣхомъ впервые показанный режиссеромъ въ „Эдипѣ“, здѣсь былъ также использованъ имъ въ полную мѣру,—пожалуй, черезчуръ, ибо повторялся нѣсколько разъ.

Богослуженіе въ храмѣ, до неловкости реальное,—пьяный пиръ въ замкѣ,—танцы въ королевскомъ дворцѣ и необыкновенная сцена пожара,—судъ инквизиціи и казни на площади—военный походъ съ безконечной массой войскъ,—все это быстро смѣняется передъ глазами зрителей.

Чарующее впечатлѣніе производитъ сцена, когда монахиня, черезъ отворенную дверь собора видитъ вдали освѣщенный яркимъ солнцемъ лугъ, убѣгающую за гори-

КЪ ГАСТРОЛЯМЪ РУССКАГО БАЛЕТА ВЪ АМЕРИКЪ.

Е. В. Гельцеръ.

зонтъ манящую дорогу и веселую толпу танцующихъ дѣвушекъ и парней; монахиня жадно смотритъ на нихъ и, забывъ о томъ, гдѣ она находится, начинаетъ неловко и конфузливо танцевать подъ звуки гонимой музыки.

Замѣчательно передано состояніе ужаса, которое охватываетъ монастырь при исчезновеніи Мадонны съ ея обычнаго пьедестала; надменная гордая аббесса кричитъ въ отчаяніи, и изъ дверей торопливо бѣгутъ, задыхаясь отъ страха и напряженія, старыя безсильныя старухи; въ глубокомъ молчаніи слышно только ихъ учащенное дыханіе и суетливый топотъ туфель по полу; толпа подбѣгаетъ, ищетъ, бросается всюду и вдругъ всѣ, злобно крича, накидываются на Мадонну, которая, никѣмъ не узнавая, стоитъ на колѣняхъ; мелькаютъ искаженные лица и поднятые вверхъ кулаки,—вотъ, вотъ, растерзаютъ въ клочки...

И вдругъ, совершается чудо: Мадонна тихо возносится надъ кричащей толпой и остается нѣсколько мгновений на воздухѣ,—толпа мгновенно цѣпенѣетъ, пятится назадъ и замираетъ въ благоговѣніи.

Подобныя минуты остаются надолго въ памяти,—здѣсь талантъ режиссера разворачивается во всемъ блескѣ.

Рейнгардтъ—режиссеръ-художникъ, который творитъ красками и массовыми движеніями толпы.

А какъ великолѣпно сумѣлъ онъ выбрать для Мадонны и грѣшницы такіе противоположные типы красоты, какъ итальянку Маріа Карми и Наталью Труханову,— первая точно сошла съ картины Боттичелли, а вторая слишкомъ даже земная, чтобы походить на монахиню. Вообще, большинство артистовъ въ труппѣ иностранцы всѣхъ націй въ Европѣ, но толпа состоитъ изъ англичанъ, и все-таки она сумѣла понять требованія гениальнаго режиссера и проникнуться его духомъ, совершенно ей чуждымъ.

Такой постановки въ Англіи быть не можетъ,—здѣшніе режиссеры слишкомъ заѣдены рутиной и трусливы, чтобы смѣть подумать о новаторствѣ Рейнгардта.

„Nation“ говоритъ, что постановки „На днѣ“ Горькаго и „Чуда“ Рейнгардта доказываютъ, что спасеніе английской драмы и театра придетъ извнѣ, изъ Европы!

Но уже раздаются шипѣніе сикофоновъ, протестующихъ противъ католическаго богослуженія на сценѣ, въ которомъ принуждены принимать участіе артисты-протестанты!!!... Нужно надѣяться, что ихъ не станутъ слушать.

Б. Лебедевъ.

Гастроли Гельцеръ въ Америкѣ.

Наша знаменитая балерина съ громаднымъ успѣхомъ выступила въ нью-йоркскомъ Metropolitan Opera House. Послѣ Павловой было, конечно, трудно поразить или удивить американцевъ, и лишь Гельцеръ, съ ея колоссальной техникой и великолѣпной мимикой, могла увлечь своими танцами холодныхъ янки. На маленькой, сравнительно, сценѣ Метрополитэнской Оперы артисткѣ невозможно было показать всю свою силу и легкость, но, тѣмъ не менѣе, она танцевала блестяще, хотя, видимо, сначала волновалась, и наэлектризованная зала отвѣчала ей безконечными аплодисментами и вызовами. Особенный успѣхъ имѣлъ, исполненный Гельцеръ и Мордкинымъ въ дивертисментѣ, греческій танецъ „Orange“ съ вакхическимъ отгѣнкомъ, которому, очевидно, суждено пользоваться такой же славой въ Америкѣ, какъ извѣстная „Вакханалія“ Глазунова. „Лебединое озеро“, само по себѣ, понравилось меньше.—критики нашли, что это далеко не лучший балетъ Чайковскаго и что онъ во многомъ уступаетъ „Спящей красавицѣ“ и „Щелкунчику“; они отмѣчаютъ также, какъ курьезъ, что главная тема „Лебединого озера“, повторяющаяся много разъ въ теченіи балета, поразительно совпадаетъ съ извѣстной аріей Лознгринна: „Nie sollst du mich befragen“; при всемъ почтеніи американцевъ къ имени Чайковскаго въ ихъ отзывахъ ясно сквозитъ мысль, что нашъ композиторъ сознательно или несознательно „позаимствовалъ“ у Вагнера,—они указываютъ, что въ томъ же 1876 году, когда Чайковскій написалъ балетъ, онъ былъ въ Байрейтѣ, и хотя тамъ „Лознгринна“ не ставили до 1894 года, онъ могъ слышать объ этой оперѣ, написанной Вагнеромъ еще въ 1848 году.

Но обратимся къ газетамъ.

„The New-York Times“ пишетъ: „Katrina Geltzer имѣла большой успѣхъ; во II актѣ, гдѣ артистка появляется, она казалась сначала нервной, но въ III актѣ она танцевала такъ великолѣпно, что вызвала единодушные аплодисменты всей залы. Артистка невысокаго роста и обладаетъ очень гибкой фигурой, хотя нижнія части ея ножекъ слишкомъ развиты и мускулисты. Ея лицо пикантно и всегда выразительно, а ея тѣло великолѣпно тренировано и можетъ выражать всякое чувство и эмоцію. Техника миссъ Гельцеръ относится къ классу высшаго порядка. Ея пируеты, напримѣръ, прямо-таки поразительны. Артистка обладаетъ тонкимъ чувствомъ юмора, которое она примѣняетъ когда нужно; въ ея танцахъ чувствуется воображеніе, поэзія и интеллигентность. Въ общемъ, артистка производитъ впечатлѣніе чего-то болѣе физическаго, чѣмъ Павлова,—она не обладаетъ такой нѣжностью и такой таинственной прелестью, какая наблюдается у послѣдней.

Сравненіе обѣихъ артистокъ неизбежно вызываетъ въ памяти Тальони и Фанни Эльслеръ—миссъ Гельцеръ, по своимъ даннымъ, повидимому, болѣе подходит къ описанію маленькой австрійки.

Мордкинъ былъ вчера удивителенъ и много придалъ эффектности балету, хотя сравнительно мало танцевалъ. Кордебалетъ былъ живописенъ, особенно въ танцахъ лебедей.

Въ дивертисментѣ послѣ балета г. Волининъ показалъ свою способность къ классическимъ танцамъ. Бронислава Пожицкая, которая въ частной жизни является Mrs Mikail Morokin, прекрасно протанцевала „Anitra's Dance“ Грига.

Но главнымъ гвоздемъ всего спектакля былъ удивительно исполненный г-жей Гельцеръ и Мордкинымъ танецъ подъ названіемъ „Etude“. Впечатлѣніе отъ этого танца, въ которомъ есть что-то вакхическое, прямо-таки поразительно и непреодолимо“.

Swan.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ СЕЗОНЪ ВЪ ГЕРМАНИИ.

„Дороги строить, а идти людям некуда!“ говорить гдѣ-то одинъ изъ героевъ Максима Горькаго. Этотъ афоризмъ—увь!—слишкомъ ужъ хорошо подходитъ къ положенію современнаго нѣмецкаго театра. То и дѣло читаешь въ газетахъ о новыхъ постройкахъ, новыхъ антрепризахъ, новыхъ техническихъ усовершенствованіяхъ,—нѣтъ только одного: пьесъ. Провалъ слѣдуетъ за проваломъ. Сила нѣмецкой литературы (да одной ли нѣмецкой?) нашихъ дней—не въ драмѣ, а въ лирикѣ и романѣ. Недаромъ слава Рейнгардта зиждется почти исключительно на его постановкахъ классическихъ пьесъ, а Отто Брамъ, имя котораго неразрывно связано съ именами Ибсена и Гауптмана, собирается передать свой „Лессингъ-театръ“ въ другія руки и идти „на покой“.

Сезонъ въ полномъ разгарѣ,—а что онъ далъ намъ до сихъ поръ? О новой драмѣ Шнитцлера „Обширная страна“ („Das weite Land“) здѣсь была уже рѣчь; о новомъ произведеніи Зудермана „Сиракузскій нищій“ („Der Bettler von Syrakus“) и говорить не стоитъ. Эта напыщенная трагедія (въ старину нѣмецкіе преподаватели древнихъ языковъ свои часы досуга посвящали сочиненію подобныхъ произведеній, что очень мило изображено въ извѣстномъ фарсѣ „Разрушеніе Помпеи“) увидѣла свѣтъ рампы 13 октября въ берлинскомъ королевскомъ театрѣ. Тамъ ей только и мѣсто. Она, какъ нельзя лучше, подходитъ къ допотопнымъ „традиціямъ“ казенной сцены, и недаромъ Вильгельмъ II очень доволенъ тѣмъ, что Зудерманъ „исправился“ и посвятилъ себя „высокому“ искусству. Впрочемъ, пьеса Зудермана дала возможность выдвинуться молодому, очень талантливому, актеру—Эрнсту Клевингу, исполнявшему главную роль обманутаго, оклеветаннаго и обнищавшаго полководца Ликона.

Не лучше Зудермановской трагедіи и новое произведеніе другого любимца нѣмецкихъ буржуевъ—Отто Эрнста, извѣстнаго и въ Россіи автора, „Флакмана“. „Любовь безконечна“ („Die Liebe höret nimmer auf“) таково заглавіе „трагикомедіи изъ жизни богемы“, въ которой скучно и бездарно изображается судьба молодого, талантливаго, но слишкомъ любящаго выпивать композитора, котораго, когда алкоголя почти уже свель его въ могилу, спасаетъ добродѣтельная жена. Въ первомъ актѣ этой „трагикомедіи“, впрочемъ, недурны (хотя тоже грубоваты) нѣкоторыя карикатуры литературной и артистической мелюзги. Пьеса Эрнста поставлена была въ первый разъ 30 сентября въ Бреславлѣ.

Много ждали отъ новой трагедіи Эрнста Гардта „Гудруна“ („Gudrun“), дѣйствительно, имѣвшей большой выѣшній успѣхъ на первомъ представленіи 21 ноября въ берлинскомъ Лессингъ-театрѣ. Гардтъ—авторъ нашумѣвшей трагедіи „Шуть Тантрисъ“ („Tantris der Naht“), получившей въ 1908 году сразу двѣ преміи,—поставленной и въ Петербургѣ, въ Александринскомъ театрѣ, въ прекрасномъ переводѣ В. Потемкина. Сюжетъ новой драмы Гардта также взятъ изъ средневѣковыхъ сказаній. Но суровую сѣверную сагу о похищенной царевнѣ, которая стойко переноситъ всѣ мученія, оставаясь вѣрной своему первому жениху, не такъ легко перекрасить въ блѣдные тона болѣзненнаго романтизма нашихъ дней, какъ рыцарскую поэму о нѣжной и страстной, преступной любви Тристана къ Изольдѣ. Гардту пришлось радикально измѣнить фабулу: его Гудруна тайно любитъ своего похитителя, но слишкомъ горда, чтобы признаться въ этомъ, и потому безропотно позволяетъ мучить себя слишкомъ уже декадентски-извращенной королевѣ Герлиндѣ. Когда же, наконецъ, является долгожданный, но нежеланный женихъ, чтобы освободить

плѣнницу,—Гудруна умираетъ. Пьеса, какъ и „Шуть Тантрисъ“ отличается крайнимъ неправдоподобіемъ фабулы, истекающимъ изъ слишкомъ безцеремоннаго отношенія автора къ своему источнику. Изъ грубаго норманскаго викинга, похитителя Гудруны, Гардтъ сдѣлалъ благороднаго страстно-влюбленнаго рыцаря, со всѣми аллюрами опернаго тенора,—и зритель недоумѣваетъ, какъ этотъ милый юноша можетъ позволить своей магери такъ издѣваться надъ женщиной, которую онъ любитъ до безумія, и какъ онъ, съ другой стороны, не замѣчаетъ любви къ нему Гудруны. Пьеса, однако, богата эффектными сценами и положеніями и написана удивительно красивыми, мелодичными стихами, какіе, кромѣ Гофманстала, не удавались еще ни одному нѣмецкому драматургу послѣдней четверти вѣка. Воспитанный на Ибсенѣ и Гауптманѣ, безподобный въ пьесахъ натуралистическихъ ансамбль Лессингъ-театра плохо справился съ романтической трагедіей; превосходно было лишь исполненіе двухъ главныхъ женскихъ ролей Линой Лоссенъ (Гудруна) и Иреной Тришъ (Герлинда); постановка же въ цѣломъ отличалась крайней безцвѣтностью и сухостью, порой казалась по-просту неряшливой.

Два талантливейшихъ нѣмецкихъ лирика—Ричардъ Демель и Максъ Даутендей, въ послѣдніе годы, едва ли на пользу себѣ, усердно добиваются лавровъ Мельпомены. Символическая комедія Демеля „Michel Mich el“ 11-го ноября была поставлена въ Гамбургскомъ „Deutsches Schauspielhaus“. Пастухъ Михаилъ, поэтъ и мечтатель, котораго тянетъ вдаль, въ поиски за романтическимъ идеаломъ, и который, послѣ долгихъ скитаній и разочарованій, находитъ идеаль у себя на родинѣ въ лицѣ дѣвушки, любившей его съ дѣтства. Демель можетъ быть самый крупный, но и самый неровный, самый невыдержанный изъ поэтовъ Германіи. Его пьеса напоминаетъ и „Перь-Гинта“ и романтическую сказку Грильпарцера „Сонъ жизни“ и „Фауста“; реалистическія сцены переплетаются съ фантастическими; выводятся чуть ли не всѣ образы германскихъ народныхъ преданій—Эйленшпигель, Барбаросса, Венера, соблазнившая Тангейзера, и т. д.; не чужды драмѣ и элементъ политической сатиры, съ явными намеками на разныя злобы дня,—нѣтъ только ясности, стройности, умѣнія выдержать тонъ, съ начала до конца, и поэтому всѣ старанія автора, въ концѣ-концовъ, всетаки, пропадаютъ даромъ.

Максъ Даутендей въ прошломъ году имѣлъ большой успѣхъ съ своей комедіей „Забавы императрицы“ („Spielereien einer Kaiserin“), героиня которой—Екатерина I. Литературными достоинствами комедія не блещетъ: Даутендею-драматургу, безцеремонно бьющему на эффектъ, далеко до Даутендея-лирика, нѣжнаго и тонкаго, но роль Екатерины даетъ возможность исполнительницѣ играть, что-называется, на всѣхъ регистрахъ; неудивительно поэтому, что за нее немедленно ухватились такія виртуозки, какъ Тилла Дюрье или Кэгъ Франкъ-Виттъ и раздѣзжаютъ теперь съ „Забавами императрицы“ по всей Германіи, какъ 15 лѣтъ тому назадъ раздѣзжали съ „Мадамъ Санъ-Жень“. 11-го ноября въ Мюнхенскомъ Schauspielhaus'ѣ была поставлена новая драма Даутендея „Драконъ Граули“ („Der Drache Grauli“),—„романтическая трагедія“, оказавшаяся крайне грубой и дикой мелодрамой, съ развязкой настолько чудовищной, что терпѣливая мюнхенская публика не выдержала и спектакль кончился шумнымъ скандаломъ. Даутендей послѣ этого измѣнилъ конецъ своей драмы такъ радикально, что она лишилась всякаго интереса и смысла.

Крупнѣйшимъ „событіемъ“ сезона, въ концѣ-концовъ, явился юбилей Генриха фонъ-Клейста (столѣтіе со дня смерти). Но и онъ могъ бы быть отпразднованъ гораздо торжественнѣе. Все же самая интересная и „современная“, несмотря на античный сюжетъ, драма Клейста „Пентезилея“ появилась, наконецъ, на сценѣ и, думается, удержится

въ репертуарѣ. Она была поставлена сразу на двухъ берлинскихъ сценахъ—королевской и „Deutsches Theater“ Рейнгардта. Казенные актеры сыграли трагедию по казенному, т.-е. въ обычномъ ложно-классическомъ стилѣ; Рейнгардтъ же имѣлъ смѣлость поручить роль царицы амазонокъ артисткѣ, которая по внѣшнимъ даннымъ, казалось, менѣе всего подходила къ ней, — Гертрудѣ Эйзольдтъ и успѣхъ оправдалъ эту смѣлость. Передъ нами оказалась истинно-клеистовская Пентезилея, т.-е. женщина, которая—вся страсть, вся желаніе, вся безуміе. Въ королевскомъ же театрѣ намъ показали „героиню“ шиллеровскаго, а не клеистовскаго типа.

Рядъ другихъ нѣмецкихъ театровъ (Лейпцигъ, Мюнхенъ, Веймаръ, Дрезденъ) къ юбилею поставилъ, единственный дошедшій до насъ, отрывокъ трагедіи „Робертъ Гюнскардъ“, уничтоженной Клейстомъ,—отрывокъ гениальный, проникнутый величіемъ античной трагедіи и оправдывающій слова Виланда: „Если бы духи Эсхила, Софокла и Шекспира соединились, чтобы создать вмѣстѣ трагедию, то вышло бы нѣчто подобное „Гюнскарду“ Клейста“. Особенно удачна была постановка „Гюнскарда“ въ Мюнхенѣ, гдѣ для роли „умирающаго льва“ Роберта нашелся такой великолѣпный исполнитель, какъ Штейнрюкъ.

Рейнгардтъ, по-прежнему, удивляетъ нѣмецкую публику. Несомнѣнно—онъ великій мастеръ, но въ послѣднихъ постановкахъ его—за немногими исключеніями, вродѣ только что упомянутой „Пентезилеи“ или „Натана мудраго“ въ „Kammerspiele“—гораздо больше сенсационности, чѣмъ истиннаго, серьезнаго искусства. Осенью онъ, по обыкновению, гастролировалъ въ Мюнхенѣ и поставилъ тамъ Эсхилловскую „Орестейю“, которая затѣмъ была повторена въ Берлинѣ въ циркѣ Шумана—эффектовъ и „трюковъ“ было второе больше, чѣмъ при постановкѣ „Эдипа“, котораго Рейнгардтъ возилъ и въ Россію, но успѣхомъ своимъ „Орестейя“ обязана не столько чудесамъ режиссуры, сколько замѣчательному исполненію роли Ореста Александромъ Мойсси.

Въ Мюнхенѣ же Рейнгардтъ поставилъ и двѣ „античныя“ оперетки—„Орфея въ аду“ и „Прекрасную Елену“. Можетъ быть, это лучшія его постановки. Великолѣпны декорации въ „Еленѣ“—особенно будуаръ второго дѣйствія, великолѣпны и костюмы; оригинальна мысль заставлять героевъ въ первомъ актѣ выходить на сцену черезъ партеръ; смѣло и красиво группируются хоры; текстъ подновленъ остроумно и удачно,—но, въ концѣ-концовъ, все-таки спрашивается: правильно ли было тратить столько силъ и изобрѣтательности на стараго Оффенбаха? Не слишкомъ ли заслоняется его прелестная, вѣчно юная музыка всѣми этими режиссерскими фокусами?

Послѣднія „новинки“ Рейнгардта — старая комедія-сказка Гоцци „Турандотъ“, извѣстная въ Германіи до сихъ поръ лишь въ патетической переработкѣ Шиллера, которую Рейнгардтъ поставилъ въ новомъ, болѣе близкомъ къ подлиннику, переводѣ Карла Фолльмеллера, пытаясь воскресить стиль старо-итальянской, безумно-веселой, полу-импровизированной „Commedia dell'arte“ — получилось въ высшей степени красивое, пестрое и забавное зрѣлище; и, во-вторыхъ, средневѣковая мистерія жизни и смерти богатаго человѣка „Everyman“, поставленная опять въ циркѣ съ роскошью, совершенно затмившей истинный смыслъ и характеръ наивной старой „игры“. Едва ли также можно считать Гуго-фонъ-Гофмансталя подходящимъ лицомъ для перевода этой мистеріи на современный языкъ. Попытки этого утонченнѣйшаго декадента быть наивнымъ не могутъ быть удачными: слишкомъ ужъ чувствуется неискренность и искусственность.

Въ заключеніе упомяну еще, что постановка „Анатэмы“ въ Вѣнскомъ „Volkstheater“ (23 сентября) вызвала

большой интересъ у серьезной критики и что „Живой трупъ“ имѣлъ „succès d'estime“ въ цѣломъ рядѣ нѣмецкихъ городовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, впрочемъ, сочли нужнымъ поставить пьесу Л. Н. Толстого въ нелѣпой французской передѣлкѣ Жана Франка и Жоржа Сильбера.

Артуръ Лютеръ.

ХРОНИКА.

МОСКВА.

БОЛЬШОЙ ТЕАТРЪ.

Опера „Гибель боговъ“ для остальныхъ двухъ абонементовъ будетъ дана передъ масленицей.

Усердно репетируется „Золото Рейна“, намѣченная къ постановкѣ постомъ.

Всѣ абонементные спектакли закончатся до поста.

На масленицѣ предполагаются гастроли Собинова.

МАЛЫЙ ТЕАТРЪ.

Ближайшей новинкой является пьеса Гинеро „Поль-пути“ въ постановкѣ г. Броневскаго. Главныя роли распределены между Лешковской, Южинымъ, Рыбаковымъ и др.

Юмористическая картина А. А. Плещеева — „Наканунъ“, шедшая въ бенефисъ Савиной на Александринской сценѣ и пользовавшаяся въ Петербургѣ большимъ успѣхомъ, пойдетъ въ Маломъ театрѣ.

БАЛЕТЪ.

Завтра бенефисъ кордебалета. Всѣ билеты проданы.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

Начались репетиціи „На днѣ“ Горькаго, идущаго для четвертаго абонементнаго спектакля 13-го января (1-й аб.).

Репетируется „Нахлѣбникъ“.

ОПЕРА ЗИМИНА.

Зиминимъ, какъ говорятъ, приглашаются для будущаго сезона извѣстные провинціальныя пѣвцы: г-жа Карпова (драм. сопрано)—и басы Цесевичъ, выступающіе въ настоящее время у Багрова въ Одессѣ.

ТЕАТРЪ НЕЗЛОБИНА.

Ближайшей новинкой будетъ пьеса Анри Батайля „Дня любви“ (17 января). Роль Ліаны поручена г-жѣ Жихаревой.

ТЕАТРЪ КОРША.

20-го января состоится послѣдняя премьера въ этомъ сезонѣ. Пойдетъ пьеса „Депутатъ“.

ОБЩАЯ ХРОНИКА.

Слѣдствіе о барышничествѣ въ Большомъ театрѣ ведется чиновникомъ особыхъ порученій при директорѣ Императорскихъ театровъ гр. Распчичинымъ. По словамъ „Освѣдомительнаго бюро“, дѣятельность управляющаго Московской конторой Императорскихъ театровъ, какъ и слѣдовало ожидать, не находится ни въ какой связи съ обнаруженными злоупотребленіями.

— Въ связи съ проектируемой перестройкой Малаго театра въ Москву пріѣхалъ командированный изъ Петербурга архитекторъ Гогенъ, которому поручено ознакомиться съ состояніемъ Малаго театра и выработать проектъ его переустройства. Общій внутренній видъ театра предполагается оставить безъ измѣненія, а лишь повернуть его сценой къ пассажи Солодовникова. На мѣстѣ, занятомъ электрической станціей, рѣшено устроить помѣщеніе для театральной конторы или школы. Одно изъ нынѣшнихъ зданій этихъ учреждений

рѣшено продать, а сумму, вырученную отъ этой продажи, ассигновать на перестройку театра. Ремонтъ можетъ быть начатъ не ранѣе конца будущаго сезона, послѣ окончанія празднествъ, связанныхъ съ юбилеемъ 1812 года.

— 24-го января обществомъ помощи сценическому дѣятели устраивается въ Купеческомъ клубѣ спектакль съ участіемъ артиста Александринскаго театра П. В. Самойлова. Поставлено будетъ, какъ говорятъ, „Красный цвѣтокъ“ и пьеса С. И. Мамонтова „Черный Тюрбанъ“, а въ заключеніе — балетная интермедія при участіи великовѣтскихъ любителей.

— 27-го и 29-го января Москва получитъ возможность услышать крестьянскіе концерты, устраиваемые г. Пятницкимъ въ Литературно-Художественномъ клубѣ. Въ концертахъ принимаютъ участіе крестьяне Рязанской, Воронежской и Смоленской губерній. Генеральная репетиція предполагается 22-го января.

— Московское общество славянской культуры устраиваетъ въ концѣ этого мѣсяца концертъ, въ которомъ примутъ участіе хоры: чешскій, украинскій, хорватскій, польскій и сербскій, а также лирики и бандуристы.

— Балерина Е. В. Гельцеръ устраиваетъ въ четвергъ 19-го января вечеръ въ Благородномъ Собраніи, обещающій быть очень интереснымъ. Помимо талантливой балерины объявлено участіе солистки Ею Величества М. П. Долиной и вокальнаго квартета: М. М. Цупрыникова, М. М. Сафонова, А. Н. и Н. Н. Кедровыхъ.

— Театръ въ Малаховкѣ, какъ говорятъ, въ недалекомъ будущемъ переходитъ въ собственность артистки театра Корша В. С. Аренцвари, которая въ теченіе лѣта будетъ сама подвизаться въ немъ.

— 29-го января П. С. Коганомъ въ большой аудиторіи Политехническаго музея будетъ прочтена въ пользу X воскресной школы лекція на тему: „Гамлетъ“—объ его постановкѣ въ Художественномъ театрѣ, о старомъ и новомъ театрѣ вообще.

— 22-го февраля театральнымъ агентствомъ Е. Н. Разсохиной будетъ отпразднованъ двадцатилѣтній юбилей существованія агентства.

— „Новости Сезона“ сообщаютъ „изъ достоверныхъ источниковъ“, что кандидатура О. В. Гзовской на Александринскую сцену потерпѣла фіаско, но что дирекція отнеслась вполне сочувственно къ мысли имѣть такую артистку, какъ г-жа Гзовская, на московской сценѣ Малаго театра. Контрактъ съ Художественнымъ театромъ кончается у г-жи Гзовской въ этомъ году, но весьма возможно, что артистка продлитъ его еще на годъ, такъ какъ въ будущемъ сезонѣ ей обѣщана постановка „Укрощенія строптивой“ Шекспира, въ которой для г-жи Гзовской имѣется большая комедійная роль.

— Завтра 15-го января, днемъ, въ Художественномъ театрѣ, состоится первое выступленіе знаменитой школы Далькроза. Во вторникъ, 17-го, дебютъ будетъ повторенъ въ большомъ залѣ Консерваторіи.

— Въ организуемой режиссеромъ Художественнаго театра г. Суллержицкимъ поѣздкѣ русской оперной труппы въ Парижъ и Лондонъ (въ 1913 году) согласились принять участіе Ф. И. Шалыпинъ, Л. В. Собиновъ и А. В. Нежданова. Организаторомъ этого крупнаго дѣла является г. Астрюкъ, которымъ, какъ говорятъ, предпринята постройка спеціального театра въ Парижѣ. Къ постановкѣ предположены оперы „Хованщина“, „Садко“ и „Золотой пѣтушокъ“, декорации къ которымъ будутъ написаны г. Коровинымъ.

— Въ составъ жюри композиторскаго конкурса, устраиваемаго при консерваторіи на средства Д. Ф. Бѣляева приглашены, какъ мы слышали, гг. Ипполитовъ-Ивановъ, Глиеръ, Морозовъ, Золотаревъ и Ильинскій.

— Съ слѣдующаго сезона въ „Эрмитажѣ“ будетъ подвизаться приглашенная г. Шукинымъ оперетка подъ режиссерствомъ Монахова. Въ составъ труппы войдутъ, какъ говорятъ, гг. Тамара-Грузинская, Пекарская, Сара Линъ, Вавичъ, Бравинъ, Ростовцевъ и Германъ. Обѣщаны также гастроли Плевничкой, Вальцевой, Кавецкой и Мессаль.

— 3-го февраля петербургскій басъ В. И. Касторскій совместно съ М. А. Каринской дастъ концертъ въ Благородномъ собраніи.

— С. В. Рахманиновъ приглашенъ въ Петербургъ дирижировать нѣсколькими спектаклями въ Маріинской оперѣ.

— К. С. Сараджевъ и М. М. Ипполитовъ-Ивановъ получили предложеніе отъ Харьковскаго Императорскаго музыкальнаго общества пріѣхать для дирижированія двумя симфоническими собраніями.

— VI абонементный симфоническій концертъ С. Кусевицкаго состоится 18-го января въ большомъ залѣ Благороднаго собранія.

— Пѣвица П. Добертъ устраиваетъ 19-го января въ маломъ залѣ Консерваторіи вечеръ, посвященный произведеніямъ Листа, Брамса, Грига и Кьерульфа.

— 27-го января въ большой аудиторіи Политехническаго музея приватъ-доцентомъ московскаго университета г. де-ла Бартомъ будетъ прочтана, по инициативѣ кружка любителей грузинской культуры, лекція на тему—„Гамлетъ“ Шекспира и его постановка на сценѣ художественнаго театра. Говорятъ, что въ преніяхъ общади приняты участіе режиссеры художественнаго театра.

— Великимъ постомъ предполагаются гастроли петербургскаго „стариннаго“ театра. Къ постановкѣ намѣчены „Чистилище Патрика“ и двѣ пьесы Лопе-де-Вега—„Фуенте Овехуна“ и „Великіе князья московскіе“.

— Опубликована литературная конвенція между Россіей и Франціей. Конвенція эта, между прочимъ, будетъ охранять права авторовъ драматическихъ и музыкальных произведеній. Конвенція вступаетъ въ силу черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ обмѣна ратификаціями и дѣйствіе ея будетъ продолжаться три года.

— По окончаніи сезона въ оперѣ Зимина, Дамаевъ приметъ участіе въ передвижной художественной оперѣ Южина. Съ его участіемъ пойдутъ „Въ долину“ и „Пиковая дама“.

— 31-го января въ пользу вышихъ женскихъ курсовъ будетъ данъ въ Купеческомъ собраніи вечеръ при участіи г-жи Гзовской.

— Въ связи съ обнаруженными злоупотребленіями по продажѣ билетовъ, которыя, какъ оказалось, попадаютъ въ кассу театра въ ничтожномъ количествѣ,—дирекціей императорскихъ театровъ вводятся новыя правила. Согласно этимъ правиламъ, лица, пользовавшіеся до сего времени правомъ предварительной записи на мѣста—сохраняютъ отнынѣ это право лишь съ письменнаго на каждый разъ разрѣшенія управляющаго канторой. Помимо этого у кассы театра будутъ вывѣшиваться объявленія о числѣ билетовъ, поступившихъ въ продажу.

— Г-ну Яновскому, написавшему музыку для пьесы Пшибышевскаго „Пиръ жизни“—поручено написать такую же и для предстоящей постановки „Какъ Вамъ будетъ угодно“ Шекспира.

— 19-го января исполняется 25-лѣтіе со дня смерти поэта Надсона. Литературнымъ фондомъ устраивается по этому поводу вечеръ въ Дворянскомъ собраніи, къ участію въ которомъ привлечены лучшія силы Императорскихъ театровъ.

— Въ виду неожиданной болѣзни композитора С. И. Танѣева, произошла перестановка въ камерныхъ собраніяхъ русскаго музыкальнаго общества. Вся программа камернаго вечера стараго чешскаго квартета, назначеннаго на 13 января, въ которомъ заболѣвшій композиторъ долженъ былъ исполнить фортепіанную партію въ своемъ новомъ квинтетѣ,—переносится на 20 января, программа же камернаго собранія, назначеннаго на 20 января—переносится на 13 февраля.

— На средства М. Ф. Морозовой при Никольской мануфактурѣ сооруженъ новый театръ для рабочихъ. Театръ прекрасно оборудованъ и зрительная зала его вмѣщаетъ 1400 человекъ. 6-го января состоялось открытіе. Труппой народнаго театра, при участіи артистки оперы Зимина г. Турчаниновой, была поставлена „Жизнь за царя“. Спектакли, какъ оперные такъ и драматическіе будутъ даваться въ новомъ театрѣ каждый праздникъ.

— „Миниатюрная“ эпидемія принимаетъ угрожающіе размѣры. 12 января въ помѣщеніи бывшаго желѣзнодорожнаго клуба открылся новый театръ миниатюръ. Помимо этого, какъ мы слышали, г. Бончъ-Томашевскимъ, при содѣйствіи группы капиталистовъ, будетъ вскорѣ начата постройка зданія для театра миниатюръ, начинающаго функционировать будущей осенью.

Право, за обывателя страшно. Выдержитъ ли онъ?

— Въ отчетѣ о спектаклѣ, состоявшемся 30 декабря въ Охотничьемъ клубѣ (№ 14 Студіи) вкралась небольшая неточность: выступали солистки школы г. Ухова (г-жи Л. Николаева и Т. Гедванова), а не г-жи Нелидовой.

— 20 января во всѣхъ залахъ Благороднаго собранія состоится „грузинскій праздникъ“, устраиваемый гг. М. М. Ипполитовымъ-Ивановымъ, кн. А. И. Сумбатовымъ и Марджановымъ.

— Литературно-Художественнымъ Кружкомъ приобретены на „передвижной“ выставкѣ портретъ В. А. Стрѣны работы И. Е. Рѣпина за 400 рублей.

— 29 января открывается въ помѣщеніи училища живописи и ваянія выставка Московскаго товарищества художниковъ. Составъ участниковъ—прошлогодній. Спеціальный интересъ выставки будетъ заключаться въ обширномъ гравюрномъ отдѣленіи, въ которомъ будутъ представлены, какъ представители академическихъ круговъ во главѣ съ Матѣе, такъ и молодые теченія.

— „Женская головка“ художника Харламова, экспонирован-

шаяся на выставкѣ, приобретена известнымъ коллекционеромъ И. Е. Цвѣтковымъ для своей картинной галереи.

— На выставкѣ союза русскихъ художниковъ продано картинъ свыше чѣмъ на 31,000 рублей. Между прочимъ, Литературно-Художественнымъ Кружкомъ приобретены слѣдующія картины: „Ночь“—Аладжалова, этюды—Архинова и „У озера“—Степанова. Число посѣтителей превысило уже 10,000 чел.

— Секретаремъ московскаго археологическаго института В. И. Троицкимъ обнаружена фресковая живопись подъ слоемъ алебаstra въ притворѣ собора Спаса на Бору. Предполагаютъ, что фрески эти принадлежатъ или известному русскому иконописцу Гайтану или же царскимъ иконописцамъ XVII вѣка. Соборъ Спаса на Бору—первый выстроенный въ Москвѣ храмъ. Стѣны его были покрыты живописью въ древне-русскомъ стилѣ. (Р. С.).

— Литературно-Художественный Кружокъ, какъ мы слышали, предполагаетъ приобрести работы скульптора Коненкова.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Экстренное общее собраніе Театральнаго общества.

Театральное общество, въ вѣдѣніи котораго находятся насущнѣйшія нужды всего русскаго актерства, можно поздравить съ большимъ успѣхомъ, который, надо надѣяться, составитъ эру въ исторіи общества, дастъ ему новую жизнь: общее собраніе членовъ его, состоявшееся 9-го января въ фойѣ Александринскаго театра, не только собрало необходимый для утверждения новаго устава кворумъ, но и успѣло почти безъ преній утвердить проектъ этого устава. Изъ 201 проживающихъ въ Петербургѣ членовъ общества на собраніе явилось небывало большое число—111 человекъ, проектъ устава, заранѣе разосланный всѣмъ членамъ и хорошо известный имъ, былъ принятъ en bloc.

Проектъ этотъ, выработанный въ Москвѣ два года тому назадъ собраніемъ делегатовъ отъ сценическихъ дѣятелей всей Россіи, предполагалось провести внѣ-уставнымъ путемъ, ввиду критическаго положенія общества, то министерство внутреннихъ дѣлъ стало на строго-формальную почву и отклонило ходатайство впредь до разсмотрѣнія и принятія его общимъ собраніемъ членовъ. Теперь проектъ принятъ общимъ собраніемъ и къ утвержденію его министерствомъ нѣтъ никакихъ формальныхъ препятствій.

Основной принципъ новаго устава, какъ известно, состоитъ въ децентрализациі его дѣятельности путемъ учрежденія постоянныхъ делегатскихъ съѣздовъ въ Москвѣ и привлеченіи къ активной работѣ провинціальнаго сценическихъ дѣятелей путемъ организациі отдѣловъ общества на мѣстахъ.

Частичные недостатки новаго устава, отчасти отмѣченные и на общемъ собраніи, будутъ, конечно, безъ труда исправлены первымъ же делегатскимъ съѣздомъ въ Москвѣ.

— Вслѣдствіе болѣзни Л. Собинина „Орфей“ 9-го января былъ внезапно замѣненъ „Княземъ Игоремъ“; объ этой перемѣнѣ, вызвавшей въ публикѣ большую путаницу и рядъ инцидентовъ, дирекція даже не потрудилась известить нѣсколькими крупными плакатами, и возлѣ единственной кассы Маринскаго театра произошло настоящее столпотвореніе. Небрежное отношеніе къ публикѣ было доведено до того, что „Игоря“ при полупустомъ залѣ начали въ 8 ч. вечера, тогда какъ начало „Орфея“ было назначено въ 8¹/₂ ч.

— 20-го января предполагался обычный ежегодный спектакль Литературнаго фонда въ Маринскомъ театрѣ; намѣчался „Орфей“ и на это уже было получено разрѣшеніе всего „начальства“. Запротестовалъ почему-то одинъ только художникъ А. Головинъ и интересный спектакль былъ сорванъ.

Рѣшено составить спектакль изъ ряда балетовъ въ постановкѣ М. М. Фокина.

— Пожаръ новаго театра народнаго дома на другой же день послѣ его открытія выбиваетъ театръ изъ строя по крайней мѣрѣ до лѣта. Идетъ тщательное разслѣдованіе причинъ несчастія; говорятъ о преступной небрежности администраціи.

Предположеніе о самовозгораніи вслѣдствіе соединенія проводовъ, какъ оказывается, не выдерживаетъ критики.

— Состоялось 50-е „юбилейное“ представленіе „Псиши“ у Незлобина, идущей все время съ аншлагомъ. Пьесу предполагается ставить до самаго поста.

— Спектакли Стариннаго театра, ввиду ихъ успѣха, рѣшено продолжать до конца сезона.

— Спектакли итальянской оперы, вмѣсто сгорѣвшей сцены новаго театра народнаго дома, состоятся съ 12-го января въ Большомъ залѣ Консерваторіи.

— Въ театрѣ „Комедія и драма“ 14-го января въ первый разъ идетъ новая пьеса Н. Федотова „Красная нить“.

— По слухамъ, на масляной, вблизи Невскаго, открывается еще одинъ, по счету третій, театръ „Миниатюръ“.

— Въ Михайловскомъ театрѣ 16 января въ первый разъ идетъ, въ постановкѣ г. Загарова, „Сѣверные богатыри“ Ибсена.

— Великимъ постомъ въ Новомъ театрѣ Народнаго Дома состоится 10 балетныхъ спектаклей труппы С. П. Дягилева. Приглашена, между прочимъ, г-жа Шоларъ.

— Кромѣ текста для оперы „Лейла“ (музыка А. Лядова) Ал. Ремизовъ закапчиваетъ новый балетъ на сюжетъ изъ русскихъ апокрифическихъ сказаній.

— Въ „Кривомъ Зеркалѣ“ репетируютъ известную пантомиму „Сумурукъ“ съ музыкой В. Эренберга и танцами въ постановкѣ В. Прѣснякова, а также новую пьесу Б. Гейера „Ванькина литература“.

— Вал. Линъ съ будущаго года прекращаетъ фарсовый репертуаръ и предполагаетъ создать новый театръ комедіи и мелодрамы.

— Серьезно заболѣлъ артистъ импер. оперы Шароновъ.

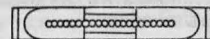
— Известная опереточная артистка Н. И. Тамара переходитъ въ драму и въ текущемъ мѣсяцѣ выступитъ въ Сумбатовской „Измѣнѣ“, въ залѣ консерваторіи.

— Въ ночь на 1 января въ подвальномъ помѣщеніи на углу Михайловской площади и Итальянской ул. открылось новое художественное кабаре „Бродячей собаки“. Открытіе новаго кабачка, желающаго быть похожимъ на московскую „Летучую мышь“, прошло очень оживленно и удачно. На эстрадѣ импровизированно пѣли, танцевали, читали экспромты. Во главѣ дѣла стоятъ гг. Шпиль-Эшенбургъ, Б. Пронинъ, П. Потемкинъ, Е. Хованская и др.

— Командируемая изъ Москвы балерина Балашева постомъ будетъ танцевать въ „Спящей красавицѣ“, „Конькѣ-горбункѣ“ и „Донъ-Кихотѣ“.

— Предположена, подъ режиссерствомъ Н. Арбатова, поѣздка въ Прагу для постановки Бѣляевской „Псиши“.

— М. М. Фокинъ возобновилъ съ дирекціей импер. театровъ контрактъ на 3 года. Въ нынѣшнемъ сезонѣ М. М. поставитъ еще свой новый балетъ „Исламей“ (муз. Балакирева) и „Papillons“ (муз. Шумана въ оркестровкѣ Черепнина).

ПРОВИНЦІЯ.

ВИННИЦА.

(Отъ нашего корреспондента).

21-го января 1912 г. въ Винницкомъ городскомъ театрѣ состоится чествованіе 15-ти лѣтняго служенія на сценѣ артиста Владиміра Федоровича Цвиленева. Лицъ, желающихъ принять участіе въ чествованіи, юбилейная коммиссія проситъ адресовать свои привѣтствія и телеграммы: Винница, театр—Бородни.

Члены юбилейной коммиссіи: Т. Д. Лентовская, Е. П. Коренева, Д. Х. Дистерло, В. Ф. Кореневъ, Н. А. Павлушковъ (ре-

КЪ XV-ЛѢТІЮ СЦЕНИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

В. Ф. Цвиленева.

даторъ „Подольскіе Куранты“), А. В. Бодянский (корреспондентъ „Театръ и Искусство“), П. А. Немировичъ-Данченко, Н. А. Молчановъ, С. М. Бородинъ, А. Ф. Пармскій, И. Г. Хмельницкій.

Городской театр, дирекція Т. Д. Лентовской.

Г. МИНСКЪ ГУБ.

(Отъ нашего корреспондента).

Нашъ зимній театральній сезонъ обыкновенно прерывается почти на весь декабрь благодаря тому обстоятельству, что городъ сдаетъ театр на недѣлю благотворительному обществу подъ устройство базара—цѣль, конечно, весьма симпатичная и ее можно было бы отъ души привѣтствовать, если бы сюда не примѣшивалось одно и весьма большое „но“. Дѣло въ томъ, что труппа, которую застигнетъ въ Минскѣ время сдачи театра подъ базаръ въ теченіе 10 дней, нечего дѣлать и антрепренеръ volens-nolens долженъ ее увозить, иногда на очень значительное разстояніе, если нѣтъ вблизи свободнаго города. Ну, а разъ труппа уѣзжаетъ далеко—ей нѣтъ цѣльн въскорѣ возвращаться и декабрь цѣлкомъ вычеркивается изъ театральнаго жизни города.

И вѣдь, если бы не было въ городѣ другого помѣщенія подъ базаръ, тогда бы такая повинность была бы еще хоть чѣмъ-либо объяснима, но вѣдь есть прекрасная зала дворянскаго собрания, гдѣ прежде всегда эти базары и устраивались. Наконецъ, городъ за декабрь мѣсяцъ теряетъ на театрѣ столько, что для него было бы гораздо выгоднѣе снять помѣщеніе подъ базаръ либо въ одномъ изъ клубовъ, либо въ коммерческомъ училищѣ, залъ котораго представляетъ для устройства базара гораздо больше удобствъ, чѣмъ театр.

По этому поводу говорилось и писалось весьма много и вѣрнѣе всего объяснить продолженіе базара въ театрѣ можно только ничтожною цѣнью нашей театральнаго комиссія, функцией которой сводятся буквально къ сидѣнію въ директорской ложѣ на спектакляхъ, а между тѣмъ, искусственно прерывая театральную жизнь на цѣлый и лучший въ сезонъ мѣсяцъ, комиссія рискуетъ никогда не имѣть хорошей труппы, такъ какъ кто же изъ солидныхъ антрепренеровъ пойдетъ на такой компромиссъ?

Объ этомъ комиссія слѣдовало бы весьма серьезно подумать, тѣмъ болѣе, что носятъ слухи о предстоящей переѣздѣ антрепренера г. Бѣляева, нѣсколько лѣтъ подрядъ державшаго нашъ театр. Если желательна смѣна антрепренера, то желательна и смѣна условій сдачи театра, которыя надо чрезвычайно облегчить, чтобы дѣло могло идти хорошо и чтобы пріѣзжающія въ Минскъ труппы не прогорали изъ-за неимовѣрно большого аппетита антрепренера.

Окончившая такъ скоропалительно изъ-за базара первую половину сезона драматическая труппа г. Бѣляева взяла за два мѣсяца 13 тысячъ. Это, въ общемъ, весьма немного, хотя бы уже по одному тому, что вечеровой расходъ свыше 100 рублей.

Сборы все время были средние. Выдающійся матеріальный успѣхъ былъ удѣломъ немногихъ пьесъ: „Живой трупъ“, „Царь Федоръ“, „Эросъ и Психея“, „Лѣсныя тайны“, „Душа, тѣло и платье“, да бенефисы. Остальныя постановки давали мало, иногда даже до обиднаго мало.

Возвращается труппа къ намъ на праздникахъ и трудно предугадать, что ей предстоитъ.

Труппа сама по себѣ довольно многочисленна. Есть и отмѣченные дарованіемъ артисты. Къ такимъ надо причислить: г. Калпашикова, Елисѣева, чету Донскихъ. Женскій, воть, персоналъ былъ слабавъ: г-жа Добролюбова—героиня довольно заурядная: она всегда одинакова. Инженю—г-жа Кирсанова—артистка съ весьма некрасивымъ выговоромъ, который ей портитъ все дѣло—и на плечахъ этихъ двухъ артистокъ былъ весь репертуаръ.

Въ репертуарѣ къ героинямъ былъ и герой—г-нъ Желябужскій, артистъ очень однообразный.

Репертуаръ и постановка были зато въ весьма хорошихъ рукахъ г-на Я. А. Славскаго и режиссера г. Лазарева. Долженъ сказать, что г. Славскій раньше всего врагъ суфлерской будки. Затѣмъ, у г. Славскаго громадное умѣнье пользоваться всѣмъ, что только есть на сценѣ и что можетъ такъ или иначе дополнить впечатлѣніе. Правая его рука г. Лазаревъ тѣхъ же тенденцій, и потому постановка всегда отличалась продуманностью и любовью къ дѣлу.

На нашей сравнительно маленькаго сценѣ была, напримѣръ, поразительно хорошо поставлена сцена на Якузѣ въ „Царь Федоръ Ивановичъ“. Затѣмъ, очень хорошо была поставлена сказочка „Лѣсныя тайны“. Эти „Тайны“ прошли настолько хорошо, что пьесу можно считать лучшей въ сезонъ, хотя ее почему-то ставили только 2 раза. „Живой трупъ“ прошелъ съ успѣхомъ раза четыре. Поставлена пьеса была весьма прилично. Правда, вмѣсто цыганскаго хора пѣлъ хоръ мѣстной синагоги; запѣвалъ, вмѣсто женщины, басъ; мѣшалъ выговоръ и рѣзало ухо буква „р“—но все же все было довольно прилично и заслуга труппы въ этомъ требуетъ отмѣтки.

Во время декабрьскаго вынужденнаго антракта Минскъ посѣтили гастролеры Робертъ и Рафаилъ Адельгеймы: первый—съ труппой Чарновской, второй—съ собственной. Робертъ Адельгеймъ ставилъ: „Казнь“, „Отелло“, „Уриэль Акоста“; Рафаилъ Адельгеймъ: „Кручину“, „Трильби“, „Гамлета“ и „Разбойниковъ“. Матеріальный успѣхъ у обоихъ большой, но, мнѣ кажется, что г-г. Адельгеймамъ должно быть стыдно ѣздить съ такими труппами, какія есть у нихъ. Это такой наборъ артистовъ, что даже вчуже какъ-то совѣстно.

Послѣ гастролей Рафаила Адельгейма, т.-е., послѣ 16 декабря до 26 декабря пока въ театрѣ не предвидится ничего.

Циркъ, несмотря на то, что уже больше не пользуется особенною симпатіей минчанъ, однако посѣщается заѣзжими труппами.

Такъ, была японская труппа поразительныхъ акробатовъ и гимнастовъ. Дѣлъ особыхъ не сдѣлала. Попробовали ввести борьбу, но и она не много прибавила.

Вслѣдъ за японцами пріѣхалъ циркъ Попандундо и сразу съѣлъ безъ сборовъ. Пришлось пускаться на все, чтобы привлечь публику. Лучшимъ средствомъ оказалось дешетка: при мѣстахъ отъ 10 к. до 90 к. публика идетъ и циркъ кое-какъ перебивается, но, вѣроятно, придется еще сдѣлать одну уступку публикѣ—пустить при этихъ цѣнахъ дамъ безплатно, и отъ души пожелать и антрепренера и несчастныхъ артистовъ.

Ха-ха!

ПИСЬМО ИЗЪ КУРСКА.

(Отъ нашего корреспондента).

2-ое декабря—дата знаменательная въ театральнаго лѣтописи нашей провинціи: ровно двадцать пять лѣтъ тому назадъ впервые засвѣтили яркими огнями рампа Городскаго театра, основаннаго на руинахъ манежа.

Юбилейное торжество состоялось предъ началомъ спектакля.

Программа чествованія началась чтеніемъ реферата, интересно составленнаго В. С. Коротковымъ, на тему о возрожденіи нашего театра, его основателяхъ и дѣятеляхъ сцены, исторически связанныхъ съ именемъ великаго артиста М. С. Щепкина, начавшаго свою сценическую карьеру въ Курскѣ въ антрепризѣ Бр. Барсовыхъ (1805—1816 г.).

Рефератъ былъ завершенъ сообщеніемъ постановленія городской думы,—въ одномъ изъ своихъ засѣданій,—назвать зимній театръ именемъ великаго курянина — Михаила Семеновича Щепкина.

Другой рефератъ — „О курскомъ театрѣ за послѣднія 10 лѣтъ“—прочелъ артистъ Добровольскій.

По окончаніи этого реферата подняли занавѣсъ.

На сценѣ выстроились депутации и вся труппа З. А. Малиновской.

На высококомъ пьедесталѣ возвышался бюстъ Мельпомены, утопанной въ тропической зелени. У подножія—портретъ ея великаго служителя М. С. Щепкина.

Привѣтствія начались адресомъ отъ Русскаго Императорскаго театральнаго общества, прочитаннымъ мѣстнымъ агентомъ Н. А. Левенталемъ.

М. Ф. Тройницкій прочелъ привѣтствіе отъ труппы З. А. Малиновской, а старѣйшая артистка труппы г-жа Прокофьева увѣчала лавровымъ вѣнкомъ портретъ Щепкина. Далѣе возложили вѣнки и прочли адреса депутации: отъ курскаго общества драматическаго искусства, товарищества курскихъ художниковъ, городского самоуправления и друг.

Оркестръ все время игралъ „славу“.

Затѣмъ слѣдовало множество телеграммъ. Изъ нихъ обратила на себя вниманіе телеграмма московскаго Малаго театра... „... домъ Щепкина привѣтствуетъ своего младшаго брата“...

Это телеграмма была покрыта громомъ аплодисментовъ.

Программа чествованія окончилась только въ одиннадцатъ часовъ.

Параднымъ спектаклемъ повторили „Псишу“. Спектакль прошелъ съ обычнымъ успѣхомъ.

8-го декабря въ Городскомъ театрѣ дебютировалъ небезызвѣстный въ провинціи артистъ К. К. Мавринъ. Дебютантъ выступилъ въ пьесѣ кн. Сумбатова „Цѣпи“. Роль Пронорьева артистъ провелъ выдержанно, съ массой интересныхъ характерныхъ подробностей.

Вообще, дебютъ прошелъ весьма удачно. Въ лицѣ г. Маврина дирекція, насчитывающая въ своей труппѣ ни Богъ вѣсть сколько дарованій, сдѣлала цѣнное пріобрѣтеніе.

Серію бенефисовъ открыла 9-го декабря талантливая премьерша труппы Т. П. Мравина.

Въ бенефисный спектакль шла новинка—„Счастливая женщина“ Щепкиной-Куперникъ. Эта пьеса нашла себѣ справедливую оцѣнку на страницахъ журнала „Студія“, почему на достоинствахъ и недостаткахъ ея останавливаться считаемъ излишнимъ.

Г-жа Мравина провела роль Лидіи Юрьевны въ изумительно мягкихъ, нѣжныхъ и въ то же время сильныхъ тонахъ, плѣняя благородствомъ и глубокой проникновенностью исполненія.

Бенефициантка имѣла у публики большой успѣхъ и была награждена цвѣточными и цѣнными подношеніями.

Импозантную фигуру петербургскаго сановника далъ г. Мавринъ. Г-жа Антонелли—граціозная, изящная Бетси.

Горячо и молодого играли: г-жа Мануилова—курсистку и г. Коссаковскій—Сергѣя.

Каррикатуренъ правовѣдъ-декадентъ у г. Чарова.

Хороша г-жа Прокофьева въ небольшой роли няни.

Пьеса поставлена г. Добровольскимъ тщательно.

Г. Вронченко-Левицкій блеснулъ постановкой „Синей птицы“ М. Метерлинка. Красивыя, стнльныя декораціи были написаны художникомъ І. Я. Гартъе. Изящную, чарующую сказку бельгійскаго писателя артисты исполнили старательно.

Большимъ недоразумѣніемъ слѣдуетъ признать постановку пьесы мѣстнаго автора Р. Форстмана („Безпаспортная“). Отсутствіе какой бы то не было идеи, заннмательнаго сюжета и интересныхъ ситуаций—вотъ главные недостатки пьесы этого домощеннаго драматурга.

Почему удѣлили ей такое вниманіе режиссеры Городскаго театра—совершенно непонятно...

И это—въ домѣ Щепкина...

Объявленъ праздничный репертуаръ. Между прочимъ будутъ поставлены слѣдующія новинки: „Прохожіе“, „Соль земли“, „Боевые товарищи“, „Дьявольская колесница“ и „Гвардейскій офицеръ“. Пойдутъ и слѣдующія пьесы: „У жизни въ лапахъ“, „Разгромъ“ (1812 г.), „Орленокъ“, „Мѣщанинъ-дворянинъ“ и др.

Крупнымъ событіемъ въ музыкальной жизни нашего города явился концертъ знаменитой клавесинистки Ванды Ландовска, состоявшійся 7-го декабря. Программа концерта была посвящена памяти Л. Н. Толстого и состояла исключительно изъ произведеній, которыя особенно любилъ яснополянскій мудрецъ.

Ванда Ландовска поразила изящно выразительной фразировкой и проникнутой артистичностью замысла передачей. На протяженіи всего вечера публика находилась во власти обаянія огромнаго таланта этой выдающейся артистки и наградила ее овациями.

Заслуженный успѣхъ выпалъ на долю, выступавшей въ этомъ же концертѣ, В. В. Люце, блеснувшей красивой, технически обработанной колоратурой.

15-го декабря концертировала съ большимъ успѣхомъ „народная пѣвица“ Н. В. Плевицкая.

30-го декабря выступленіемъ „короля баритоновъ“ Маттіа Баттистини закончилась первая половина концертнаго сезона.

Юли-Веръ.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ.

(Отъ нашего корреспондента).

Екатеринославу въ этомъ году не повезло. Сезонъ начался съ большимъ запозданіемъ. Только въ среднихъ числахъ ноября открылся вновь выстроенный театръ коммерческаго собранія, гдѣ нынѣ ставятъ свои спектакли оперное т-во подъ управленіемъ г. Циммермана. Остальные же театры, на которые екатеринославцы возлагали столько надеждъ, постройкой по сію пору не окончены. Предполагалось, что откроется къ началу сезона огромный, прекрасный, со всѣми техническими усовершенствованіями, театръ Общественаго собранія и заново, перестроенный Зимній театръ. Послѣдній уже былъ снятъ оперетой Ливскаго, но небольшою обвалъ стѣны задержалъ открытіе. Постройка же театра Обществ. собр., почти уже снятаго подъ оперу одесскимъ антрепренеромъ Сибиряковымъ, внезапно приостановлена до будущаго года. Итакъ, почти весь сезонъ городъ оставался безъ единаго театра.

Въ октябрѣ въ аудиторіи Научнаго о-ва приютилось было т-во драматическихъ артистовъ съ громкими именами и весьма слабыми силами. Успѣха не имѣло никакого. Оно же дерзнуло поставить „Живой трупъ“. Публика, впрочемъ, не поддавалась, Немного поддержали гастролеры: Карелина-Раичъ и Баратовъ—но съ ихъ отъѣздомъ т-во прекратило свое жалкое существованіе.

Въ Англійскомъ клубѣ ставились любительскимъ кружкомъ пьесы легкаго жанра, опереты. Все это время театральныи Екатеринославъ жилъ исключительно концертами, а въ нихъ недостатка не было. Проходили они во временно приспособленномъ помѣщеніи громаднаго вмѣстительнаго скэтингъ-ринка и въ залахъ Англійскаго и Коммерческаго клубовъ. Побывали у насъ: Адамо Дидуръ, Смирновъ, Скрѣбинъ, Тина Лернеръ, Рахманиновъ, Ауэръ, Эрденко, сестры Любошицъ и Петрова-Званцева, Боначичъ, Сливинскій, Кузнецова-Бенуа, Вяльцева, Плевицкая и мн. др. Большинство концертовъ прошло съ выдающимся, какъ и слѣдовало ожидать, художественнымъ и матеріальнымъ успѣхомъ. Съ открытіемъ въ недалекомъ будущемъ зимняго театра ожидаются: Шаляпинъ, Собинновъ, Нежданова, Алчевскій. Объявленъ концертъ В. Сапельникова.

Опера пользуется симпатіями публики. Особенный успѣхъ выпадаетъ на долю: г-жъ Сабанъевой и Федоровой и г. За-

лѣвскаго (б. арт. Импер. театр.). Симпатичный басъ г. Баяновъ, хорошій артистъ теноръ Черновъ. Есть нѣсколько молодыхъ и полезныхъ артистовъ. Ставятъ пока старыя, заграничныя оперы изрѣдка прибѣгая и къ музыкальнымъ оперетамъ. Впервые въ Екатеринославѣ, тѣмъ не менѣе, шла опера Бородина „Князь Игорь“. Былъ и гастролеръ—итальянскій теноръ Калабрини.

Сборы средніе, вслѣдствіе отдаленности театра отъ центра, обилію благотворительныхъ вечеровъ и, какъ было выше сказано, интересныхъ концертовъ.

С. У.

КЕРЧЬ.

(Отъ нашего корреспондента).

Со дня открытія сезона въ нашей труппѣ произошли кой-какія перемѣны—исключены изъ состава труппы г-жа Свирская и г-нъ Индноровъ, отъ чего, правда, труппа нисколько не пострадала.

Недѣли три тому назадъ приглашенъ новый способный артистъ г. Субботинъ на амплу первыхъ любовниковъ. До сихъ поръ роли любовниковъ игралъ г. Рудаковъ (неврастеникъ) и понятно игралъ неудачно.

Теперь, когда г. Рудаковъ играетъ свои роли неврастениковъ, онъ сталъ неузнаваемъ.

Начались бенефисы. Первый выпалъ на долю г-жи Ливановой („Разрушенный храмъ“), второй—г. Рудакова („Орленокъ“), третій—г-жи Романовской („Эльга“—полный сборъ), четвертый—г. Земля (Miserere) пятый—г. Пальмина („Комедія брака“—полный сборъ). Говидимому, бенефициантъ не былъ „въ ударѣ“ такъ какъ его, всегда прелестная, игра была очень вялой. Зато въ пьесѣ Л. Н. Толстого „Отъ нея всѣ качества“ г. Пальминъ игралъ поразительно хорошо, и не только онъ—весь ансамбль исполнителей въ лицѣ г-г. Аджановой (совсѣмъ молодая, талантливая актриса), Лавровской, Ливановой, Вороновича, Муромцева, Теплова и Ушакова,—былъ очень хорошъ. Надо отдать справедливость режиссеру г. Самарину-Волжскому—пьеса была прекрасно поставлена.

15 декабря Ольга Петровна Долинская-Лавровская въ свой сороколѣтній юбилей сценической дѣятельности поставила комедію Островскаго „Послѣдняя жертва“. Переполненный сборъ.

При первомъ появленіи юбилярши въ роли Глафиры Фирсовны ее засыпали привѣтственными письмами. Послѣ II-го акта началось чествованіе... На сценѣ вся труппа. Депутаціи отъ г. Керчи, Темрюка и другихъ городовъ. Первымъ привѣтствовалъ юбиляршу г. Самаринъ-Волжскій и преподнесъ ей отъ труппы большой художественный портретъ юбилярши.

Гласный думы г. С. П. Сохраничевъ прочиталъ адресъ отъ города Керчи. Затѣмъ начались подношенія: масса вѣнковъ, корзины, цѣнныхъ подарковъ и пр.

Среди прочитанныхъ телеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи, отмѣчу слѣдующія:

Совѣтъ Императорскаго театральнаго О-ва сердечно привѣтствуетъ въ день сороколѣтней сценической дѣятельности и шлетъ наилучшія пожеланія.

Вице-президентъ О-ва МОЛЧАНОВЪ.

Шлю юбиляршѣ мой привѣтъ и поздравленіе. САВИНА.

Ловичъ Графини де-Лотрекъ, Труппы Нижегородскаго театра, Струйскаго, Сельской—Москва, Раствоцева—Владикавказъ, Погуляева—Симферополь, Судьбинина—Ставрополь, Днѣпровой—Новочеркасскъ, Троицкой—Вятка, Колесова—Воронежъ, Аяровой—Воронежъ, Ефимова—Москва, Саратовской труппы Струйскаго, Дорошевича—Житомиръ, Вѣры Чаровой—Москва, Васильева—Москва, (Бюро) Разсохина—Москва, Таганрогск. труппы Шатленъ и мн. др.

Спектакль прошелъ превосходно, чествованіе носило теплый сердечный характеръ.

Девн.

ТВЕРЬ.

(Отъ нашего корреспондента).

Концертъ любимицы мѣстной публики М. А. Каринской 23 ноября сдѣлалъ полный сборъ.

Концертантка, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, пользовалась у публики шумнымъ успѣхомъ.

Концертъ оставилъ бы послѣ себя самое благоприятное впечатлѣніе, если бы не такая странная, чтобы не сказать больше, манера Каринской держаться на эстрадѣ. Можно чувствовать себя свободно и непринужденно. Все это такъ, но къ чему же прибѣгать къ такимъ дешевымъ способамъ для пріобрѣтенія популярности, какіе совершенно недопустимы въ концертахъ.

Переговоры съ публикой, пересмѣиванье, указываніе пальцемъ на отдѣльныхъ лицъ и т. д. Конечно, все это нравится широкой публикѣ. Но совмѣстимо ли это съ истиннымъ искусствомъ, и истинный художникъ и талантъ станеть ли прибѣгать къ указаннымъ средствамъ? Намъ кажется, что нѣтъ.

САРАТОВСКИЙ ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ТЕАТРЪ.

Декорация 1 акта

Былины. Драма А. ПОЛЕВОГО.

25 ноября въ Общественномъ Собраніи состоялся концертъ Вари Панской и хора московскихъ цыганъ.

Впервые выступающая въ Твери Панская собрала почти полный залъ.

Мы считаемъ этотъ концертъ однимъ изъ самыхъ удачныхъ въ настоящемъ сезонѣ.

Первоначально публика отнеслась къ концертанткѣ очень холодно и непривѣтливо, но уже къ концу перваго отдѣленія Панская художественнымъ исполненіемъ покорила слушателей и концертъ закончился при долго несмолкавшихъ оваціяхъ.

Считая успѣхъ вполнѣ заслуженнымъ—скажемъ нѣсколько словъ объ исполненіи:

Дивная фразировка, законченность отдѣлки въ исполненіи и музыкальность—вотъ неотъемлемыя достоинства концертантки. Изъ отдѣльныхъ романсовъ укажемъ, какъ на самые удачныя по исполненію—„Чайка“ и „Уголокъ“.

Громадное впечатлѣніе произвело исполненіе Вари Панской съ хоромъ цыганъ „Не вечерняя“.

Много содѣйствовалъ успѣху концерта де-Липфордъ, дивно акомпанировавшая концертанткѣ.

Въ общемъ, отъ концерта осталось самое лучшее впечатлѣніе. Публика расходилась очень неохотно, требуя все новыхъ и новыхъ повтореній.

Изъ спектаклей, бывшихъ за это время, отмѣтимъ спектакль 4-го декабря — „Потокъ“ съ участіемъ артистовъ Московскаго Малаго театра В. В. Максимова, Головина и Панова.

Исполненіе, для гастрольныхъ спектаклей, было вполнѣ удовлетворительно.

Изъ отдѣльныхъ исполнителей отмѣтимъ Головина, давшаго яркую фигуру грубаго и нелюдимаго старшаго брата.

Обстановочная же и декоративная часть, по обыкновенію, была ниже всякой критики.

Новая форма театральныхъ представленій, подъ названіемъ „Театръ миниатюръ“, была впервые показана тверской публикѣ 14, 15 и 16 декабря въ залахъ Общественнаго собранія труппой подъ управленіемъ Буриной и Павлюковскаго.

„Театръ миниатюръ“, какъ таковой, по нашему мнѣнію, долженъ имѣть громадную будущность вообще, а въ провинціи въ особенности.

„Театръ миниатюръ“—опасный соперникъ завоевавшаго себя прочное положеніе синемаатографа. Скажу больше—при условіи хорошаго подбора труппы, талантливо поставленной режиссерской и административной части, „Театръ миниатюръ“ несомнѣнно вытѣснитъ синемаатографъ.

Ибо, при небольшой затратѣ времени и денегъ, небогатая учащаяся и чиновная публика несомнѣнно перенесетъ свои симпатіи съ синемаатографа на „Театръ миниатюръ“.

Публика отнеслась съ недоувѣріемъ къ миниатюрамъ. Почему?

За послѣднее время провинціальная публика стала относиться съ очень большимъ недоувѣріемъ ко всему новому. Публика становится осторожнѣй, менѣе падкой до всякой рекламы.

Права ли она? Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ винить публику не приходится.

Въ самомъ дѣлѣ, намъ не одинъ разъ приходилось наблюдать слѣдующее явленіе: появляются громадныя афиши, масса ленточекъ и прочихъ рекламъ. Публика идетъ. И что же... все оканчивается миеомъ. Или знаменитость съ другими инициалами или въ спектакль никуда негодная труппа.

Но реклама сдѣлала свое дѣло. Сборъ полный. А для импресарио это—все.

Не говоримъ, что всѣ антепренеры и импресарио прибѣгаютъ къ такимъ способамъ. Но, къ сожалѣнію, такіе есть. И не въ маломъ количествѣ.

Провинціалъ передъ такой рекламой теряется и не имѣетъ возможности разобраться, что есть на самомъ дѣлѣ, а что реклама.

Кто ему поможетъ разобраться? Мѣстная пресса? Но еще большой вопросъ понимаетъ ли и способенъ ли разобраться и заслуживаетъ ли довѣрія мнѣніе мѣстнаго театральнаго рецензента. Итакъ, если на афишѣ не стоитъ громкаго или знакомаго имени, задача для провинціи не легкая—итти или нѣтъ?

Разрѣшается она очень часто при помощи „погадай моя старушка“: попалъ палець въ палець—итти, нѣтъ—не итти.

Все это очень грустно, но это такъ. То же было и съ миниатюрами. Впервые въ Твери. Никто ничего о нихъ не знаетъ. Гадали. Очевидно не попадали пальцами. А между тѣмъ по составу пріѣхавшая труппа заслуживала большаго вниманія.

Поставлено было три вещи. Драма „Искры пожара“, оперетка „Волшебный вальсъ“ и пантомима „Страница романа“.

Тщательная постановка, красивыя мизансцены и, вообще вся режиссерская часть была на должной высотѣ. Во всемъ, даже въ мелочахъ, была видна продуманная, не шаблонная работа режиссера Павлюковскаго.

Изъ отдѣльныхъ исполнителей отмѣтимъ: въ драмѣ—г-жу Рейзенъ и Павлюковскаго, въ опереткѣ—г-жу Кокорину и Тараринова и, наконецъ, въ пантомимѣ—Колена и вызывавшаго безпрерывный смѣхъ Соколова.

У публики особеннымъ успѣхомъ пользовалась „Страница романа“.

Сергѣй Протопоповъ.

ТАГАНРОУЪ.

(Отъ нашего корреспондента).

Вотъ уже болѣе мѣсяца прошло съ начала открытія зимняго сезона въ нашемъ городскомъ театрѣ, гдѣ подвизается драматическая труппа Н. К. Шатленъ, въ составѣ г-жъ: Агринцевой, Аталъской, Долевой, Львовой, Мравиной; Стругиной, Тариной, Холиной, Чеховской и гг.: Альгина, Бухтѣва, Вановскаго, Вербо, Горскаго, Гришина, Георгіевскаго, Львовскаго, Платонова, Суздальскаго и Угрюмова.

Режиссеръ Легаровъ. Помощн. режиссера Грузинскій. Довѣренный директоръ М. Н. Незнамовъ. Режиссируетъ также и сама Н. К. Шатленъ. Сезонъ начался пьесой «Вѣдьма», сдѣлавшей полный сборъ. Затѣмъ прошли пьесы: «Каширская старина», «Шутники», «Пани Малишевская», (2 р.), «Губернская Клеопатра», «Сѣрая куртка», «Гамлетъ» (2 р.), «Власть природы», «Графиня Эльвира», «Самсонъ и Далила», «Дитя любви», «Средн цвѣтовъ», «Коварство и любовь», «Право на счастье», «Дни нашей жизни», «Блуждающіе огни», «Наслѣдный принцъ», «Живой трупъ» (5 р.), «Дѣтская каторга», «Сестра Беатриса», «Измаиль», «Сумерки любви», «Золотая чаша власти», «Маскарадъ» (3 р.), «Шѣпи», «Псиша» (2 р.), «Бѣшенныя деньги», «Разбойники», «Кухня вѣдьмы» и др. Большой похвалы заслуживаетъ внѣшняя художественная сторона спектаклей. Постановка дѣла серьезная и добросовѣстная. Сцена обновлена, много новыхъ декораций, прекрасные костюмы, мебель, бутафорія. Тщательная постановка спектаклей и образцовое исполненіе, являются ручательствомъ того успѣха, который имѣетъ у насъ означенный драматическій ансамбль. Въ труппѣ имѣются хорошія силы. Большимъ успѣхомъ пользуется Угрюмовъ—артистъ съ несомнѣннымъ дарованіемъ, вдумчивый и разнообразный. Способный, молодой артистъ Альгинъ—любовникъ. Рядъ исполненныхъ имъ ролей показалъ въ немъ умнаго интереснаго актера. Всегда выдержанное и вѣрное исполненіе даетъ Горскій, прекрасно умѣющій держать себя на сценѣ. Георгіевскій, осмысленный исполнитель старыхъ людей, далъ нѣсколько разнообразныхъ типовъ. Изъ женскаго персонала выдѣляется г-жа Агринцева, вполне законченная актриса, съ хорошими сценическими данными и роскошными туалетами, подвизающаяся впервые на сценѣ нашего театра. Въ большинствѣ случаевъ ярко, жизненно играетъ г-жа Холнна: нѣкоторыя роли, ею сыгранныя, прямо превосходны. Г-жа Тарина за это время успѣла зарекомендовать себя способной и цѣнной въ труппѣ артисткой. Г-жа Аталъская—полезная актриса на роли грандъ-дамъ. Незамѣнимая драматическая и комическая старуха г-жа Стругина. Выдѣляется также и г-жа Чеховская. Остальные исполнители вполне добросовѣстно относятся къ дѣлу и поддерживаютъ ансамбль. Вообще, труппа пользуется симпатіей публики и театръ охотно посѣщается. Хотя въ началѣ сезона, сборы были неважные, но послѣ отъѣзда оперетты, дѣла драмы улучшились. Этому помогло и то обстоятельство, что дирекція пошла навстрѣчу желаніямъ публики и два раза въ недѣлю ставитъ общедоступные спектакли, а по субботамъ, специально для учащихся, ставятся: Островскій, Шекспиръ и другіе классики. Изъ поставленныхъ новинокъ больше всего заинтересовали публику: «Живой трупъ», прошедшій у насъ пять разъ при полныхъ сборахъ. Изъ вышеприведенныхъ пьесъ, видно, что репертуаръ у насъ довольно таки разнообразный, что слѣдуетъ объяснить желаніемъ дирекціи прииоровиться къ вкусамъ публики. По образцу другихъ театровъ и у насъ былъ поставленъ спектакль миниатюръ, прошедшій при дружномъ ансамблѣ и при хорошемъ сборѣ. Началась серия бенефисовъ. Первымъ прошелъ бенефисъ Агринцевой, сдѣлавшей полный сборъ. Посѣтившая насъ оперетта Крылова и Миртова помѣщались въ зданіи бывшаго Артистическаго общества и, давъ 12 спектаклей, перекочевала въ Нахичевань и Ростовъ-на-Дону. Составъ труппы большей частью извѣстный таганрогамъ по прежнимъ приѣздамъ. Былъ и старый любимецъ—режиссеръ Градовъ и старые знакомые—Амраго, Жулинская, Борская. Въ художественномъ отношеніи спектакли проходили не важно, чему причиной — неспособленность сцены. Въ матеріальномъ же отношеніи вполне успѣшно, такъ какъ оперетку у насъ любятъ и хорошо составленная труппа всегда можетъ рассчитывать на полный успѣхъ въ нашемъ городѣ. Изъ опереттъ съ успѣхомъ прошли: «Разведенная жена», «Принцесса долларовъ», «Въ волнахъ страстей», «Горный князь», «Ночь любви», «Король», «Тайны гарема». Большимъ успѣхомъ пользовались концерты Нasti Поляковой, Тины Лернеръ, Юсифа Гофмана, прошедшіе почти при полныхъ сборахъ въ ротондѣ городского сада. Надняхъ состоялось открытіе театра варьетѣ «Акваріумъ», помѣтившаго въ зданіи бывшаго Артистическаго общества.

Г. А. Мольскій.

СИМФЕРОПОЛЬ.

(Отъ нашего корреспондента).

Сезонъ открытъ драматической труппой И. В. Погуляева въ „Театрѣ Таврическаго Дворянства“ 1-го октября.

Для открытія даны были: днемъ—„Льсъ“ и вечеромъ—„Горе отъ ума“. Въ началѣ сезона дѣла шли удовлетворительно (300—350 р. на кругъ). Но, затѣмъ, съ появленіемъ звѣрища Жеребилова, „чемпионата“ Ярославцева, цирка Вяльшина и, главнымъ образомъ, оперетты Ливскаго—сборы стали не важными и только утренняя даютъ полные сборы.

Отчасти виной тому, что театръ иногда нустуетъ—избитый, чрезвычайно разнообразный репертуаръ, рассчитанный на невзыскательнаго глубокаго провинціала, и довольно высокая расцѣнка мѣстѣ, непосильная для „служилого“ симферопольца. Почти ежедневно, кромѣ понедѣльниковъ, когда спектаклей обыкновенно не бываетъ, даются все новыя пьесы, подчасъ вытасканныя изъ архива забвенья, задающія колоссальную работу артистамъ и мало говорящія уму и сердцу. Повторялись, напр., только „Живой Трупъ“ (4 раза), „Графиня Эльвира“ (2 раза) и „Вильгельмъ Телль“ (2 раза). Остальной репертуаръ: „Обрывъ“, „Пассажиръ“, „Ахъ, нѣтъ не надо“, „Авиаторъ“, „Мученица“, „Два начала“, „За океаномъ“, „Вторая молодость“, „Идиотъ“, „Прохожіе“, „У жизни въ лапахъ“, „Слобода Неволы“, „Гроза“, „Царь Θεодоръ Іоанновичъ“, „Не все коту масленица“, „Въ интересномъ положеніи“, „Подъ звуки Шопена“, „Морскія ванны“, „Сѣлъ въ капусту“, „Золушка“, „Багдадскіе пирожники“, „Жертва воспитанія“, „Женитьба“, „Самсонъ и Далила“, „Убой“, „Новый мѣръ“, „Измаиль“, „Отцы и дѣти“, „Смерть Пушкина“, „Княжна Тараканова“ и пр. и пр. въ томъ же родѣ.

Составъ труппы довольно удаченъ и симферопольцы имъ довольны.

Болѣе другихъ у публики вполне заслуженнымъ успѣхомъ пользуются: г-жа Альянова и г. Мартини.

Особенно—г-жа Альянова—вдумчивая, интересная, искренняя, талантливая актриса.

Бенефисъ г. Мартини („Коварство и Любовь“) прошелъ съ шумнымъ успѣхомъ и подношеніями. Удачны были бенефисы г.г. Травина („Пассажиръ“ и „Жертва воспитанія“) и Таубе („Въ стѣнахъ пансіона“ (Взрослая) и „Голодный донъ-жуанъ“).

Режиссируетъ спектакли П. Бояровъ. Постановка насколько возможно—тщательная.

— Оперетта М. П. Ливскаго съ 19 ноября подвизается въ заново отстроеномъ театральномъ залѣ „Метрополь“ (бывшее помѣщеніе городского клуба). Помѣщеніе рассчитано на 500 мѣстъ. Труппа пользуется значительнымъ успѣхомъ, что вполне понятно, такъ какъ въ составъ ея входятъ такія силы какъ: г-жи Сара Линъ, Николаева-Талина, Барвинская и Рутковская; г.г.: Шумскій, Бравинъ, Рошинъ и Дмитріевъ, пользующіеся большимъ успѣхомъ. Г-жа Николаева-Талина, кромѣ того, пользуется огромнымъ успѣхомъ, какъ прекрасная танцовщица. Очень хорошъ балетъ. Слабое мѣсто оперетты—хоръ. Сборы—средніе (300—350 р. на кругъ). Виной этого обстоятельства надо признать обиліе развлеченій въ Симферополь.

Труппа заканчиваетъ свои гастроли 23 декабря и ѣдетъ въ Кишиневъ. До сихъ поръ даны были: „Графъ Люксембургъ“, „Веселая вдова“, „Разведенная жена“, „Мулень Ружъ“, „Принцесса долларовъ“ (2 раза), „Въ волнахъ страстей“ (2 р.), „Цыганская любовь“ (2 р.), „Прекрасная Елена“, „Тайны гарема“, „Иветта“, „Ночь любви“, „Гусарская любовь“, „Фея Карлсбада“, „Шалунья“, „Въ вихрѣ вальса“, „Тайны нашего города“ (бенефисъ Дмитріева) „Прекрасная Ризетта“, „Албанскій принцъ“, „Корневильскіе колокола“ и „Бѣдныя овечки“ (бенефисъ Бравина), „Орфей въ Аду“, „Королева брилліантовъ“ (бенефисъ главнаго администратора Розанова).

— Концерты сестеръ Любошицъ съ участіемъ г-жи Петровой-Званцевой и піаниста Любошицъ (22 октября), а также г. Ауэра (2 декабря), данные въ залѣ новаго помѣщенія городского клуба, прошли съ обычнымъ для этихъ артистовъ художественнымъ и матеріальнымъ успѣхомъ.

Съ большимъ успѣхомъ дала 2 концерта капелла подъ управленіемъ Завадскаго.

Михаилъ М-евъ.

Отвѣтствен. редакторы: К. А. Ковальскій и А. О. Линкъ.
Издатель А. О. Линкъ.

К. ФАБЕРЖЕ

Придворный Ювелирь.

Москва, Кузнецкий Мостъ, 4.

**БРИЛЛИАНТЫ,
ЗОЛОТО,
СЕРЕБРО.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 Г.

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„НОВАЯ ЗЕМЛЯ“.

(ГОДЪ ИЗДАНИЯ 3-й).

Временно будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ въ удвоенномъ форматѣ. Цѣна на годъ 2 р. 80 к., на полгода 1 р. 60 к. Журналъ выходитъ при ближайшемъ участіи: Ионы Брехничева, В. Свенцицкаго и Н. Клюева.

Годовые подписчики получаютъ приложения: 1) Иона Брехничевъ—Вселенскіе факелы. 2) В. Свенцицкій—Левъ Толстой—православный святой. 3) Н. Дорофьева—Женщина, Бракъ и Любовь (въ произвед. мировыхъ поэтовъ).

Адресъ редакціи: Москва, Долгоруковская ул., Вѣсковскій пер., 4, кв. 12.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ВСЯКАГО РОДА

какъ по спросу, такъ и по предложенію, имѣютъ

 ГРОМАДНЫЙ УСПѢХЪ

въ большой и наиболѣе распространенной на Сѣверномъ Кавказѣ газетѣ

„ТЕРЕКЪ“

бывшая „КАЗБЕКЪ“, издающаяся въ г. Владикавказѣ.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТЫ:

„ТЕРЕКЪ“ | **„КУБАНСКІЙ КРАЙ“**

Владикавказъ,

Екатеринодаръ,

принимается по цѣнамъ редакцій, даже въ разсрочку, во всѣхъ почтово-телеграфныхъ конторахъ Россійской имперіи и за границую.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА

на годъ съ пересылкой: „ТЕРЕКЪ“—7 руб., „КУБАНСКІЙ КРАЙ“—9 руб.

Тарифъ объявленій:

на 1-й стран. 30 коп., на 4-й—20 к. и на 2-й—40 к. со строки петита.
Стороннее сообщеніе—50 коп.

За разсылку приложеній—8 руб. за 1000 экземпляровъ.

Адресъ для всякой корреспонденціи:

Издательство „КАЗБЕКЪ“ СЕРГѢЯ КАЗАРОВА, Владикавказъ—Екатеринодаръ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1912 годъ

на еженедѣльный журналъ искусства и сцены

„СТУДИЯ“

независимый, внѣпартійный органъ художественной мысли и критики въ сферѣ театра, музыки, живописи, ваянія и зодчества, съ иллюстраціями въ текстѣ и картинами на отдѣльныхъ листахъ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ

К. А. КОВАЛЬСКАГО и А. Э. ЛИНКЪ.

Программа: 1) Правительственныя распоряженія и мѣропріятія въ области искусствъ, театра и литературы. 2) Вопросы права и экономики. 3) Вопросы этики. 4) Исторія, философія, литература и статистика искусствъ и театра. 5) Фельетонъ: бесѣды на тему дня, біографіи и воспоминанія дѣятелей сцены, художниковъ, музыкантовъ и писателей, стихотворенія и пьесы. 6) За-недѣлю (хроника Московской и Петербургской жизни). 7) Голоса печати: обзоръ русской и иностранной печати. 8) Петербургскія театральныя, художественныя и музыкальныя письма. 9) Провинціальныя фельетонъ, провинціальныя письма. 10) За-рубежомъ: письма изъ міровыхъ центровъ. 11) Критика критики. 12) Обмѣнъ мнѣній. 13) Народный театръ. 14) Дѣтскій и школьный театры. 15) Любительскій театръ. 16) Замѣтки режиссера. 17) Письма о балетѣ. 18) Замѣтки археолога. 19) Архитектурный отдѣлъ: отзывы о новыхъ постройкахъ. 20) Былое: памятки, некрологи, старина. 21) Новыя постановки, выставки, симфоническіе концерты, концертныя вечера, любительскіе спектакли, лекціи объ искусствѣ. 22) Отчеты о сѣздахъ: художественныхъ, театральныхъ, литературныхъ. 23) Свистокъ: каррикатура, сатира, пародія и юморъ. 24) Обзоръ музыкальной и художественной Москвы. 25) Библиографія. 26) Почтовый ящикъ. 27) Иллюстраціи, снимки съ картинъ, постановокъ, памятники старины, портреты дѣятелей искусства и сцены, эскизы и декорации, шаржи, архитектурные проекты, снимки съ новыхъ зданій, автографы, музыкальныя рукописи. 28) Письма въ редакцію. 29) Объявленія.

ВЪ ЖУРНАЛЪ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ: Ю. Айхенвальдъ, А. С. Андреевскій, Евг. Аничковъ, Н. Архиповъ, проф. Ф. Д. Батюшковъ, А. А. Бахрушинъ, И. Билибинъ, М. М. Блюменталь-Тамарина, академ. П. Д. Боборыкинъ, гр. В. Н. Бобринская, К. Ф. Богдаевскій, В. К. Божовскій, Эльза Валери (арт. Гамбург. театра), Д. Д. Варапаевъ, Л. М. Василевскій, М. Ведринская, акад. А. Н. Веселовскій, В. Вересаевъ, Ал. Н. Вознесенскій, Ал. Вознесенскій, В. Воиновъ, князь Сергѣй Волконскій, Дг. К. Hagemann (Hambourg), Аксель Галень, О. В. Гзовская, Сергѣй Глаголь, А. Грузинскій, Н. Грушецкій (Лейпцигъ), В. И. Денисовъ, М. Добужинскій, Дг. А. Dochmann (Berlin), Н. Евреиновъ, В. Е. Ермиловъ, А. Журиновъ, А. Л. Загаровъ, проф. Э. Зѣлинскій, Б. И. Ивинскій, А. А. Измаиловъ, И. Н. Игнатовъ, А. Иернфельдъ, Н. И. Иорданскій, С. Коненковъ, М. Н. Климентова-Муромцева, К. и О. Ковальскіе, П. Коганъ, П. Кожевниковъ, Ф. Ф. Коммисаржевскій, В. П. Коломійцовъ, I. Кордесъ, В. Ф. Коршъ, академ. Н. А. Котляревскій, В. П. Краинфельдъ, Н. Д. Красовъ, С. Кусевицкій, Б. Лебедевъ (Англія), Е. А. Ленина, М. Ликиардопуло, А. Ф. Линкъ, И. Латту, Н. Лопатинъ, Н. А. Малько, П. Н. Мамонтовъ, М. Л. Мандельштамъ, С. П. Мельгуновъ, Н. Молленгаузъ, С. А. Найденовъ, М. П. Невѣдомскій, С. В. Ноаковскій, Л. Никулинъ, академ. Д. Н. Овсянко-Куликовскій, К. В. Орловъ, М. Орловъ, М. Осоргинъ (Италія), А. В. Оссовскій, Э. Пименова, В. М. Пичета, Г. В. Плехановъ, Т. И. Польшнеръ, Н. А. Поповъ, С. Разумовскій, О. Риземанъ, приватъ-доцентъ Н. И. Романовъ, И. Рубиновъ (Нью-Йоркъ), проф. П. Н. Сакулинъ, В. Сахновскій, И. Сацъ, А. Серафимовичъ, В. Н. Соловьевъ, М. Смирновъ, А. А. Санинъ, А. А. Стаховичъ, А. Сулержицкій, князь А. И. Сумбатовъ-Южинъ, П. П. Соболевъ, Дг. L. Feuchtvanger (München), А. Таировъ, Н. И. Тимковскій, Д. И. Тихоміровъ, М. Ткачуковъ, М. М. Томашевскій, Я. Тугенхольдъ, В. М. Устиновъ, В. М. Фриче, Е. Чириковъ, приватъ-доцентъ С. К. Шамбинаго, Т. Щепкина-Куперникъ, В. Шулятиковъ, А. Яблоновскій, В. Язвицкій (Болгарія), Н. Эфросъ, Эльскій.

Цѣна отдѣльнаго экземпляра **25** коп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: СЪ ДОСТАВКОЙ и ПЕРЕСЫЛКОЙ.

	Въ Москвѣ и С.-Петербургѣ.	Въ провинціи.	Заграницу.
на 12 мѣсяцевъ	Руб. 8.— к.	Руб. 9.— к.	Руб. 11.— к.
„ 6 „	„ 4.— „	„ 4.50 „	„ 6.50 „
„ 3 „	„ 2.— „	„ 2.25 „	„ 3.50 „

Подписка принимается: въ конторѣ журнала „Студія“, въ книжныхъ магазинахъ „Новое время“, въ магазинѣ „Россійскаго Музыкальнаго Издательства“, въ конторѣ Печновской (Петровскія лин.) и въ конторѣ типографіи П. П. Рябушинскаго, Путинковскій пер., соб. домъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ: Страстной бульваръ, д. князя Горчакова, 10 подъѣздъ, кв. № 119. Телеф. 502-19. Контора, кромѣ праздниковъ, открыта отъ 10—4 ч. дня.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ и ПОДПИСКА для С.-ПЕТЕРБУРГА: Книгоиздательство наслѣдниковъ О. Н. ПОПОВОЙ Гороховая, 51.

Цѣна объявленій: впереди текста **70** коп. строка петита.
позади текста **50** коп. » »

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА „СТУДИЯ“: Петербургъ, Т-во изд. дѣла и кн. торговли О. Н. Поповой, Гороховая ул., 51. Кіевъ, кн. маг. Л. Издиковскаго (Крещатикъ), Харьковъ, кн. маг. артели газетчиковъ, И. Швагина (Московская, 2). Одесса, нотный маг. Г. и О. Бальдъ, Дерибасовская, 19 и кнж. маг. „Одесскихъ Новостей“, Дерибасовская, 20. Саратовъ, М. П. Ткачуковъ (копт. газ. „Саратовскій Вѣстникъ“). Севастополь, кн. маг. Е. Н. Протопоповой (близъ „Сѣверн. част.“). Н.-Новгородъ, 1) кн. маг. „Книжный музей“, 2) муз. маг. „Аккордь“ (Б. Покровка, д. Кемарскаго). Кременчугъ, Н. Михновскій (Докторская ул., д. 35). Тула, кн. маг. „Весна“ (Кіевская ул.). Енатеринославъ, Бюро періодическихъ изданій